

Марья Зеленая

18+

РАБ

моего мужа

Марья Зеленая

Раб моего мужа

«Автор»

2026

Зеленая М.

Раб моего мужа / М. Зеленая — «Автор», 2026

Она — жена хозяина. Он — его раб. Любовь между ними может стоять обоим жизни. Элизабет верила, что выходит замуж за человека, которого любит. Но за безупречными манерами плантатора Джеймса Фаулера скрывается жестокий тиран, а роскошное поместье в Джорджии оказывается ловушкой, где муж распоряжается ее телом, наследством и самой жизнью. Потрясенная страданиями чернокожих рабов, Элизабет пытается защитить тех, кого здесь не считают людьми. И все чаще ее взгляд встречается со взглядом Самсона — гордого, сильного невольника, которого Джеймс намерен сломить. Между хозяйкой и рабом не должно быть ничего общего. Кроме ненависти к одному человеку. Кроме жажды свободы. Кроме чувства, которому нет места в мире, построенном на насилии. Но чем сильнее их тянет друг к другу, тем ближе расплата. Выход глав раз в 2-3 дня. До конца выкладки книга будет бесплатной.

© Зеленая М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марья Зеленая

Раб моего мужа

Пролог

— Масса Джеймс! Просыпайтесь, масса Джеймс!

Джеймс лениво открыл глаза. Солнце вовсю пробивалось сквозь тяжелый бархат портьер. Роза лежала рядом. Утренний свет сияющим ореолом окутывал ее гладкое шоколадное плечо.

— Какого черта ты меня будишь в такую рань? — хриплым ото сна голосом проворчал Джеймс.

— Простите, масса Джеймс, — пролепетала рабыня, — но вы сами велели вас разбудить. Сегодня ваша свадьба.

Он пренебрежительно хмыкнул.

— И что с того? Свадьба никуда не убежит. Еще успею нацепить на шею это ярмо.

Его взгляд скользнул по лицу Розы. На миг задержался на толстых блестящих губах, затем опустил к небольшим округлым грудям, увенчанным черными сосками. Член тут же дернулся и отвердел.

«Интересно, какого цвета соски у моей будущей жены?» — закралась шальная мысль. Джеймс стиснул прохладную грудь рабыни и попытался вызвать в памяти образ своей невесты.

Лицо у мисс Макдауэлл было белое и чистое, глаза — большие, не то серые, не то зеленые. Нос маленький, аккуратно вздернутый. Пшенично-русые волосы она стягивала на затылке в тяжелый, строгий узел.

Миловидная, пожалуй. Но не красавица.

Ей недоставало того изящества, легкости и заманчивого кокетства, которыми хорошо воспитанные девушки умеют привлекать мужчин. Мисс Макдауэлл держалась слишком скромно, говорила слишком серьезно и смотрела на людей так, словно каждую их фразу собиралась обдумать.

Ни живости, ни лукавства, ни обещания удовольствия. Можно было не сомневаться: и в супружеской спальне она окажется такой же холодной и безучастной.

Впрочем, все это было не главным ее изъяном.

Она была северянкой.

А чего еще ожидать от девицы-янки? На Севере девушек учили читать книги, рассуждать и воображать, будто их мнение имеет значение. Им не внушали с колыбели простую истину: назначение женщины состоит в том, чтобы быть покорной дочерью, достойной хозяйкой дома и удобной для мужа женой.

Но, если рассуждать здраво, какое это имело значение?

Будь мисс Макдауэлл дурна собой, стара или вовсе лишена женского обаяния, он все равно взял бы ее в жены. Его интересовали не ее глаза, не волосы и уж тем более не нрав. Его интересовали ткацкие мануфактуры, текстильные склады и экспортно-импортная компания, оставшиеся после смерти ее отца.

В сравнении с таким приданным недостатки будущей жены казались досадной, но вполне терпимой частью сделки.

«Нужно будет поскорее заделать ей сосунка, чтобы ма, наконец, оставила меня в покое. — Джеймс покручивал пальцами затвердевший сосок рабыни. — А черные девки для утех никогда не переведутся».

— Иди сюда!

Он привлек Розу к себе и жадно вдохнул пикантный аромат ее кожи. От черномазых сучек вечно несет мускусом, но это почему-то еще сильнее распаляло его.

— Но масса Джеймс! Если ваша матушка меня тут застанет — пробормотала рабыня.

— Не носи ерунды, девка. Приступай!

Он зарылся пальцами в жесткие курчавые волосы и притянул голову Розы к своему паху.

Глава 1

Элизабет Макдауэлл сидела в коляске и, прячась под зонтиком от безжалостного южного солнца, украдкой поглядывала на своего новоиспеченного мужа.

Джеймс Фаулер выглядел солидно и элегантно. На его голове красовался сверкающий цилиндр, вокруг шеи изящным узлом был повязан белоснежный платок, черный фрак сидел безупречно, а переливчатый шелковый жилет придавал всему облику непринужденный шик.

Обычно в конце лета, когда на Юге начинал созревать хлопок, в Трентон к ее отцу вереницей тянулись плантаторы, чтобы договориться о цене на будущий урожай. Среди них Элизабет и заприметила Джеймса Фаулера.

Когда этот высокий темноволосый мужчина с холодными серыми глазами появлялся на пороге их дома, ее сердце начинало биться быстрее.

Отец не посвящал Элизабет в свои дела, и она не знала, о чем тот говорит с Джеймсом в своем кабинете. Впрочем, ее это мало интересовало: куда больше ее занимал сам Джеймс — его сдержанная манера держаться, низкий голос и холодный взгляд, который ей так хотелось обратить на себя.

Увы, но, встретившись с ней в гостиной, Джеймс галантно целовал ее руку, выдавал дежурный комплимент и переставал ее замечать.

Элизабет не считала себя дурнушкой. Зеркало не давало ей поводов для недовольства, а мужчины задерживали на ней взгляд. Поэтому равнодушие Джеймса задевало особенно сильно.

Но разве он мог вести себя иначе в доме ее отца? Ни один из деловых партнеров мистера Макдауэлла не осмеливался открыто ухаживать за его дочерью. Джеймс тоже наверняка соблю-

дал осторожность. Возможно, за холодной учтивостью он скрывал куда больше, чем позволял себе показать.

Иначе зачем порой смотрел на нее чуть дольше обычного? Почему замолкал, когда она входила в комнату? Отчего однажды улыбнулся ей — едва заметно, словно эта улыбка предназначалась только ей?

Элизабет бережно собирала такие мгновения, снова и снова перебирала их в памяти. Случайный взгляд превращался в признание, короткий вздох — в признак волнения, дежурная любезность — в осторожный намек. Джеймс был не равнодушен. Он просто не мог говорить об этом открыто.

В каждый его приезд она ждала: вот сейчас дверь кабинета распахнется, и Джеймс выйдет оттуда уже не как деловой партнер отца, а как жених. Он попросит ее руки — и тогда останется лишь убедить мистера Макдауэлла.

При мысли об этом радость сразу меркла. Отец терпеть не мог южан и вряд ли согласился бы отдать дочь за «чванливого дикси», как он презрительно называл таких, как Джеймс.

Хуже того, отец уже присмотрел для нее партию. Сын одного из близких друзей и партнеров по бизнесу — Альберт Маккинзи — казался ему отличным преемником, раз уж его самого Господь обделил сыновьями.

Эдвард Макдауэлл, как деловой человек, все предусмотрел. Богатый, хорошо образованный Альберт станет для Элизабет прекрасным мужем, и ему можно будет без опаски доверить дела.

Отец не учел лишь одного: Элизабет терпеть не могла Альберта. Рыхлый, щекастый, в нелепых круглых очках. Но внешность — это еще полбеды. От Альберта исходил такой навязчивый запах кислятины, что Элизабет не выдерживала пребывания с ним в одном помещении дольше пяти минут.

— Все это чушь, юная леди! — отмахнулся отец, когда Элизабет робко возразила против брака с неприятным ей человеком. — Альберт славный малый, из него выйдет толк. К такому делу, как создание семьи, нужно подходить с холодной головой. Ты выйдешь за него и точка! Я уже договорился с Маккинзи-старшим, и не могу взять свое слово назад.

Время шло, и отец все упорней настаивал на своем. К счастью Альберт после учебы в Принстоне укатил на год в Европу, и тема помолвки временно отошла на второй план.

Элизабет вздохнула свободнее. За год может многое измениться. Быть может, Европа вскружит Альберту голову, он увлечется другой девушкой или просто решит, что женитьба на ней — не такая уж удачная мысль. Оставалось надеяться, что к его возвращению о помолвке уже никто не заговорит с прежней уверенностью.

Жизнь в Трентоне текла своим чередом. Элизабет с отцом нечасто выезжали в свет, и редко принимали гостей. Ее это вполне устраивало. Шумным балам и пышным приемам она предпочитала игру на рояле, чтение и верховую езду.

Дни, наполненные сонатами Бетховена и шелестом страниц, проходили размеренно и спокойно. И казалось, что так будет всегда.

Но все изменилось в то злосчастное утро, когда экономка обнаружила бездыханное тело Эдварда Макдауэлла в его кабинете. Вызванный доктор сообщил рыдающей Элизабет, что ее отца сразил сердечный приступ. Обычное явление для человека его возраста и рода занятий.

Похороны, поминки — все прошло как в тумане, а потом нотариус огласил завещание. Ткацкие мануфактуры, склады и торговая компания — все досталось Элизабет, но с одним условием: она должна вступить в брак.

Правда, как разъяснил адвокат, после замужества распоряжаться наследством она тоже не сможет, так как по закону имуществом жены управляет ее супруг.

Временным опекуном назначили дядюшку Бенджамина. Этот занудный старик настаивал, чтобы она исполнила волю покойного Эдварда, и вышла за Альберта Маккинзи, когда тот вернется из Европы.

От его бесконечных наставлений Элизабет порой хотелось согласиться на любой другой брак, лишь бы навсегда покончить с разговорами об Альберте.

Вскоре дом наполнился визитерами. Бывшие знакомые и деловые партнеры отца приезжали выразить соболезнования дядюшке Бенджамину, а Элизабет присутствовала при этих встречах в гостиной.

Мужчины, прежде едва замечавшие ее, теперь приносили цветы, говорили комплименты и осторожно заводили разговор о будущем.

Их внимание немного смущало Элизабет, но вместе с тем льстило ей. Значит, она вовсе не была обречена на Альберта. Оставалось лишь выбрать человека, с которым она могла бы быть счастлива.

А потом на пороге ее дома появился Джеймс Фаулер.

Элизабет не поверила своему счастью. И когда разговор от соболезнований по поводу кончины отца плавно перетек в предложение руки и сердца, она, пренебрегая всеми приличиями, тут же ответила «да».

Дядюшка рвал и метал.

— Ты погубишь себя! — восклицал он. — Как ты будешь жить среди этих варваров-южан? Да они же все дебоширы и пьяницы! Строят из себя аристократов, а на деле — кроме рабов и спеси у них ничего нет.

Несколько часов кряду он пытался ее вразумить, но Элизабет была непреклонна. До возвращения Альберта из Европы оставались считанные дни, и медлить было нельзя.

Она плакала, спорила, запиралась у себя и повторяла, что скорее откажется от наследства, чем выйдет за человека, которого не любит.

Поняв, что угрозами и уговорами ничего не добьется, дядюшка потребовал хотя бы отложить свадьбу и хорошенько все обдумать. Элизабет согласилась лишь на короткую помолвку.

Уже через несколько дней о предстоящем браке объявили официально, а дату венчания назначили так скоро, что Бенджамину оставалось только сокрушенно наблюдать за приготовлениями.

В конце концов, дядюшка, напуганный ее угрозами выброситься из окна или уйти в монастырь, сдался и позволил объявить помолвку.

Последние недели на Севере слились для Элизабет в беспокойную череду примерок, визитов, подписей и прощаний. Она едва успевала осмыслить происходящее. Затем были уютное путешествие из Нью-Джерси в Джорджию, ночевка в гостинице Мейкона, венчание и скромный свадебный завтрак.

Теперь она сидела рядом с мужем в коляске и ехала в его имение.

Прежняя жизнь казалась почти нереальной, словно приснилась ей, а теперь растворялась как сон на рассвете. Дом отца, прохладные комнаты, сонаты Бетховена, промозглые осенние дни над Делавэром — все это уже подернулось туманом.

Здесь, на Юге, мир был совсем иным. От буйства зелени захватывало дух, а небо сияло такой ослепительной голубизной, что глазам было больно смотреть.

По сторонам от дороги простирались бескрайние поля, на которых гнули спину полчища негров. Элизабет с любопытством глазела на них.

Конечно, ей и в Трентоне доводилось видеть чернокожих. Некоторые из них даже трудились на фабриках ее отца. Но то были наемные рабочие, а не рабы.

Негры мотыжили грядки, которые извилистыми зелеными рядами расчерчивали бурую землю и терялись на горизонте в дымке оранжевой пыли.

Крупные лапчатые листья, розовые и кремовые цветы — Элизабет никогда не видела, как растет хлопок, но, заметив кое-где коробочки с комьями белой ваты, догадалась, что это именно он.

Наряду с мужчинами, под палящим солнцем работали женщины и даже дети. Элизабет, сроду не державшей в руках ничего тяжелее книги, стало не по себе. На миг она даже устыдилась того, что родилась богатой и белой, и имеет все в изобилии, а у этих людей ничего нет.

Каково это, быть рабом? Принадлежать хозяину, который может тебя продать, избить и даже убить

Элизабет вздохнула и отогнала непрошенные мысли.

На все воля Божья. Кто-то раб, а кто-то господин. Не стоит забивать себе этим голову.

Нужно сосредоточиться на более важных вещах. Теперь она замужняя женщина, и у нее появились обязанности.

Правда, что это за обязанности, она понимала довольно смутно. Мать умерла, когда она была еще совсем крошкой, не успев посвятить ее в подробности супружеской жизни.

Зато матушка Джеймса была жива и здорова. Чопорная сухопарая дама во вдовьем наряде сидела напротив, обмахиваясь черным веером.

Свекровь поймала взгляд Элизабет, но ее бескровные губы даже не дрогнули в подобии улыбки.

«Надеюсь, мы с ней поладим, — ободрила себя Элизабет, но что-то внутри подсказало: — Просто не будет».

— Это все ваши поля? — спросила она, лишь бы нарушить затянувшееся молчание.

От звука ее голоса, Джеймс вздрогнул, словно очнувшись от сна.

— Вы что-то сказали?

— Сынок, твоя жена спрашивает, наши ли это поля, — пришла на помощь миссис Фаулер и тут же сама ответила: — Да, милочка. Все, что вы видите вокруг, принадлежит нам. Наша плантация называется «Персиковая долина».

— Красивое название, — улыбнулась Элизабет. — Здесь, должно быть, очень сладкая жизнь.

Миссис Фаулер изогнула бровь.

— Вовсе нет, дорогуша. Ничто не дается нам просто так. Чтобы добиться процветания, мы вынуждены трудиться, не покладая рук. Еще мой отец, царство ему небесное, выращивал здесь лучший хлопок во всей округе.

— Значит, эти земли прежде принадлежали вашей семье?

— Именно так. Отец дал мне их в приданое, когда я вышла замуж за мистера Фаулера, упокой Господь его душу. Владения наших семей лежали по соседству, и мой супруг присоединил этот участок к «Персиковой долине».

Миссис Фаулер чуть сильнее сжала рукоять веера и скользнула взглядом от Элизабет к сыну. Уголки ее губ опустились.

Элизабет выпрямилась. Неужели свекровь уже успела найти в ней какой-то изъян? Она постаралась сохранить вежливую улыбку.

— Раньше, вступая в брак, люди думали о том, как приумножить благосостояние семьи, — продолжила миссис Фаулер. — Молодежь чтит традиции. Но сейчас, увы, уже не те времена

Она замолчала, многозначительно поджав и без того тонкие губы.

У Элизабет неприятно заныло под ложечкой.

«Она просто брюзжит или говорит обо мне? Ей не нравится, что Джеймс женился на северянке?»

В поисках поддержки Элизабет посмотрела на Джеймса. Но тот равнодушно разглядывал окрестности, не слушая разговора — или делая вид, что не слушает.

В груди стало тесно. Элизабет вдруг особенно остро почувствовала, как далеко уехала от дома и как мало здесь ей знакомо.

Дядюшка сразу после венчания отбыл в Трентон. Хорошо хоть Анна, ее горничная, согласилась последовать за хозяйкой на Юг, и сейчас сидела рядом, обмахиваясь веером так энергично, что оборки ее чепца раздувались как паруса.

Накануне вечером, в гостиничном номере, Анна тактично поинтересовалась, знает ли Элизабет, что происходит в первую брачную ночь.

Кое-что Элизабет знала. Как бы строго отец и преподавательницы женского пансиона ни следили за ее воспитанием, ей все же доводилось тайком почитать французские романы. Там — расплывчато, намеками и метафорами — описывались вещи, о которых приличным девушкам не полагалось говорить вслух.

Однажды она к тому же обнаружила в отцовском кабинете медицинский справочник. Статьи изобиловали научными терминами и латынью, однако общий смысл некоторых из них ей удалось понять.

Неужели уже сегодня ночью она останется с Джеймсом наедине?

Щеки вспыхнули. Да, она уже не первый год тайком вздыхала о нем, но мечты были одним, а действительность — совсем другим.

Ведь она почти не знала этого мужчину.

Поцелуй в церкви оставил после себя лишь неловкость. Жесткие усы царапнули кожу над губой, а его холодные губы на мгновение прижались к ее губам.

Впрочем, наверное, глупо было ждать чего-то необыкновенного, когда она так волновалась и чувствовала на себе взгляды всех присутствующих.

Но должно же было произойти какое-то волшебство. Неловкость должна была исчезнуть, уступив место той самой страсти, о которой с таким восторгом писали в романах.

Как часто, лежа вечером в постели, Элизабет представляла Джеймса своим мужем. Вот они венчаются в церкви. Вот он целует ее перед алтарем.

А дальше? Дальше ее воображение не заходило.

Что, если она все-таки совершила ошибку? Связала судьбу с человеком, которого почти не знала, и уехала с ним так далеко от родного дома.

Элизабет огляделась. Бескрайние, залитые солнцем поля, ослепительная небесная лазурь — и рядом Джеймс: красивый, элегантный, единственный мужчина, при одном взгляде на которого ее сердце начинало биться быстрее.

Все будет хорошо. Он тоже любит ее — иначе не проделал бы такой долгий путь, чтобы просить ее руки. Да, после свадьбы под его управление перешли отцовские мануфактуры, но ведь и сам Джеймс далеко не беден. Не мог же он жениться на ней только ради наследства.

Элизабет крепче сжала сложенные на коленях руки и заставила себя отбросить тревожные мысли.

В этот момент коляска свернула на подъездную аллею, обсаженную могучими дубами. Узловатые ветви сплетались над головой, а свисающие с них бороны испанского мха погружали дорогу в густой и даже какой-то зловещий полумрак.

Через несколько минут впереди показались белые колонны особняка. За ними виднелись бледно-розовые стены, высокие окна с узкими зелеными ставнями и широкий балкон, опоясывающий второй этаж. Весь облик дома говорил о том, что здесь не стесняются своего достатка, а непогода обычно обходит эти края стороной.

Когда экипаж остановился на подъездной площадке, на крыльце показались чернокожие.

— Мисс Дороти! Масса Джеймс!

Черный как смола седовласый негр отпихнул негритянок и засеменил к коляске.

— Добро пожаловать домой!

Горделивая осанка, белоснежная рубашка, строгий жилет — дворецкий, скорее всего.

— Привет, Цезарь, — небрежно кивнул Джеймс.

Он выпрыгнул из коляски и подал руку матери.

Пока миссис Фаулер, шелестя вдовьим крепом, спускалась на землю, Элизабет с любопытством разглядывала слуг.

У двери переминались с ноги на ногу две молодые негритянки в синих платьях, накрахмаленных фартуках и белых тюрбанах. За их спинами маячила парочка черномазых юнцов, а из-за колонны выглядывал негритенок.

— Помоги моей жене, — приказал Джеймс дворецкому, а сам под руку с матерью направился в дом.

Элизабет слегка покорило, что муж не помог ей выйти из экипажа, но она не подала виду. Ведь слуги и существуют для того, чтобы прислуживать господам.

— Вы, должно быть, молодая миссис? — почтительно обратился к ней Цезарь, подавая обтянутую белой перчаткой ладонь. — Какая красавица! Добро пожаловать! Буду счастлив вам услужить!

— Спасибо.

Элизабет оперлась на его руку и сошла вниз. Как приятно очутиться на земле после нескольких часов в тряской повозке! Она прошлась туда-сюда, разминая затекшие ноги, а Цезарь тем временем помог спуститься Анне.

— Прошу в дом, леди! — Он забежал вперед, чтобы с поклоном распахнуть дверь.

Элизабет и Анна вошли в прохладный вестибюль. Дворецкий закрыл за ними застекленные створки, и снаружи долетел его грубый окрик:

— Что встали, болваны недоделанные! Живо хватайте чемоданы и несите в комнату молодой миссис! И только попробуйте что-нибудь уронить! Я с вас шкуру спущу!

Глава 2

За ужином свекровь с вежливым безразличием поинтересовалась у Элизабет, как прошло путешествие, а затем пустилась в пространный рассказ о том, как её предки осваивали эти земли, прибыв сюда с волной первых поселенцев: как изгоняли индейцев, прорубались сквозь вековые леса, строили дома и сеяли хлопок, закладывая основу будущего процветания Юга.

Миссис Фаулер вещала об этом с такой гордостью, будто самолично размахивала мачете или шла за плугом. На деле же она вряд ли хоть раз собственноручно налила себе стакан воды: у стены, вытянувшись по струнке, застыли две негритянки, готовые по первому зову исполнить любой ее каприз.

Джеймс по большей части молчал, и по его скучающему лицу было видно, что подобные рассказы ему порядком осточертели.

Когда ужин закончился, за высокими окнами уже разлилась непроглядная чернота. После вечерней молитвы миссис Фаулер распорядилась:

— Цезарь, проводи Элизабет в ее спальню.

«В мою спальню? — удивилась Элизабет. — Разве супругам не полагается спать вместе?»

Она робко посмотрела на Джеймса. Тот поймал ее взгляд и снисходительно улыбнулся.

— Поднимайся, дорогая, — произнес он. — Я скоро к тебе присоединюсь.

Элизабет покраснела. Вроде Джеймс и не сказал ничего особенного, но ей стало неловко перед свекровью. Конечно, та сама побывала замужем и прекрасно знала, что происходит в первую брачную ночь, однако легче от этого не становилось.

Не решаясь поднять глаза, Элизабет вышла из-за стола.

— Сюда, мисс Элизабет, — подсказал Цезарь.

Он взял канделябр и направился к лестнице, освещая путь.

В спальне уже поджидала Анна, успевшая поужинать на кухне с прислугой. Элизабет огляделась по сторонам. Широкая кровать под балдахинем занимала чуть ли не половину пространства. Туалетный столик, кресло-качалка, шифоньер — дорогая мебель поблескивала лакированным деревом на фоне светло-бежевых стен.

— Приятного отдыха, мэм. — Цезарь поклонился и вышел.

Только сейчас Элизабет ощутила, как устала за этот бесконечный день. Первым делом она сбросила тесные туфли и, раскинув руки, плюхнулась спиной на кровать.

— Мадам, осторожнее! Вы испортите платье! — всполошилась служанка.

— Да и бог с ним, — простила Элизабет, покачиваясь на мягкой перине.

Вот бы сейчас закрыть глаза и уснуть! И не нужно ей никакой брачной ночи.

Но увы.

Пышные юбки и жесткий корсет не позволяли самостоятельно подняться с кровати. Скорее бы избавиться от этой сбруи! И почему только женщины должны все это носить?

— Помоги, пожалуйста, встать.

Она протянула руки. Анна, ухватившись за них, помогла ей подняться. Элизабет оперлась на резной столбик кровати, а служанка принялась расшнуровывать корсет.

— Волнуетесь? — поинтересовалась Анна.

— Что? — Элизабет оглянулась через плечо.

— Ну, перед брачной ночью-то?

— Нет.

На самом деле Элизабет волновалась. О, еще как! В романах все было легко и просто — встретились, вспыхнули страстью, поженились А дальше — либо «они жили долго и счастливо», либо целомудренно закрытые двери супружеской спальни и туманные намеки на райское наслаждение, испытанное на ложе любви.

Реальность пока складывалась иначе. Джеймс почему-то не спешил вести себя как принц на белом коне, да и сама Элизабет понемногу трезвела от девичьих грез.

Наконец Анна избавила ее от корсета и вороха нижних юбок.

— Идемте, мисс Элизабет, пока ванна не остыла, — сказала она.

«Миссис», — хотела поправить Элизабет, но передумала. Она и сама пока не ощущала себя «миссис», еще не до конца осознав, что беззаботная юность осталась позади.

Они вошли в прилегающую к спальне уборную, где поблескивала медная сидячая ванна. Раздевшись догола, Элизабет погрузилась в воду — не слишком горячую и не слишком холодную, приятно освежавшую после дневной жары. Анна принялась поливать из ковша ее плечи, стараясь не намочить волосы, собранные на затылке.

Как же приятно было смыть с себя липкий пот и дорожную пыль! Элизабет с удовольствием посидела бы так подольше, позволяя струйкам воды стекать по утомленному телу, но слова «я скоро к тебе присоединюсь» назойливо звучали в ушах.

Пора.

С тяжелым вздохом Элизабет поднялась. Анна подала ей полотенце и помогла вытереться. Облачившись в пеньюар, Элизабет вернулась в спальню и села за туалетный столик. Служанка вытащила шпильки из тугой прически, и, когда тяжелые волосы свободно упали за спину, Элизабет блаженно закрыла глаза.

Обычно перед сном Анна расчесывала ее не меньше часа, но сегодня приходилось спешить. Элизабет велела подать ночную сорочку. Прохладный шелк мягко окутал тело, и она разгладила на себе тонкую ткань. Эту сорочку, отделанную брюссельским кружевом, Элизабет берегла специально для брачной ночи.

— Да хранит вас Господь, мэм, — сказала Анна, прежде чем покинуть спальню.

Оставшись одна, Элизабет подошла к туалетному столику и взглянула в трюмо. В призрачном отблеске свечей собственные глаза показались ей огромными и испуганными.

Не слишком ли откровенный вырез? Она стянула кружево рукой. А волосы? Что с ними делать? Разложить по плечам? Нет, так будет слишком жарко. Лучше откинуть за спину — Господи, как же душно! Надо открыть окно!

Распахнув занавески, Элизабет обнаружила за ними балконную дверь. Она приоткрыла створку, и в комнату сразу хлынул свежий воздух, напоенный сладким цветочным ароматом. Элизабет глубоко вдохнула, наслаждаясь благоуханием, но тут на лестнице раздались шаги.

Он идет!

Элизабет метнулась к кровати и села на край. Сердце заколотилось, подмышки взмокли. Господи, еще не хватало вспотеть!

Бессознательно кусая губы, она прислушивалась к шагам. Может, это не он?.. Но тут скрипнула входная дверь. Элизабет вздрогнула и вскочила на ноги.

На пороге показался Джеймс. Она набрала воздуха, собираясь что-то сказать, однако муж, даже не взглянув на нее, направился к балконной двери.

— Зачем ты открыла балкон? — с неудовольствием бросил он, закрывая створку. — Хочешь напустить комаров?

— Простите, — пролепетала Элизабет, чувствуя, как от напряжения сводит плечи.

Задернув занавески, Джеймс повернулся к ней. На нем был халат из узорчатого бордового шелка. В глубоком вырезе виднелась белая грудь, поросшая темными волосами. Элизабет смущенно отвела глаза.

— Как тебе спальня? — поинтересовался Джеймс.

— Чудесная, — ответила она, радуясь, что муж больше не сердится.

— Что-нибудь еще нужно?

— Спасибо, у меня все есть.

— Не стоит по ночам открывать окна. Здесь полно насекомых. Наутро будешь вся в дырах.

— Я не знала — Элизабет облизнула пересохшие губы. — Просто здесь очень жарко.

— Пришлю к тебе негритенка. Он будет тебя обмахивать всю ночь.

— Всю ночь? Спасибо, но это лишнее. Мне бы не хотелось никого утруждать.

— Пустяки. Мне вовсе не трудно, я просто пошлю за ним слугу.

— Но я имела в виду негритенка

Джеймс с усмешкой покачал головой.

— Моя дорогая, — снисходительно произнес он, — сразу видно, что ты северянка, и не имеешь ни малейшего представления о рабах. Они созданы для того, чтобы нам служить. Это их предназначение.

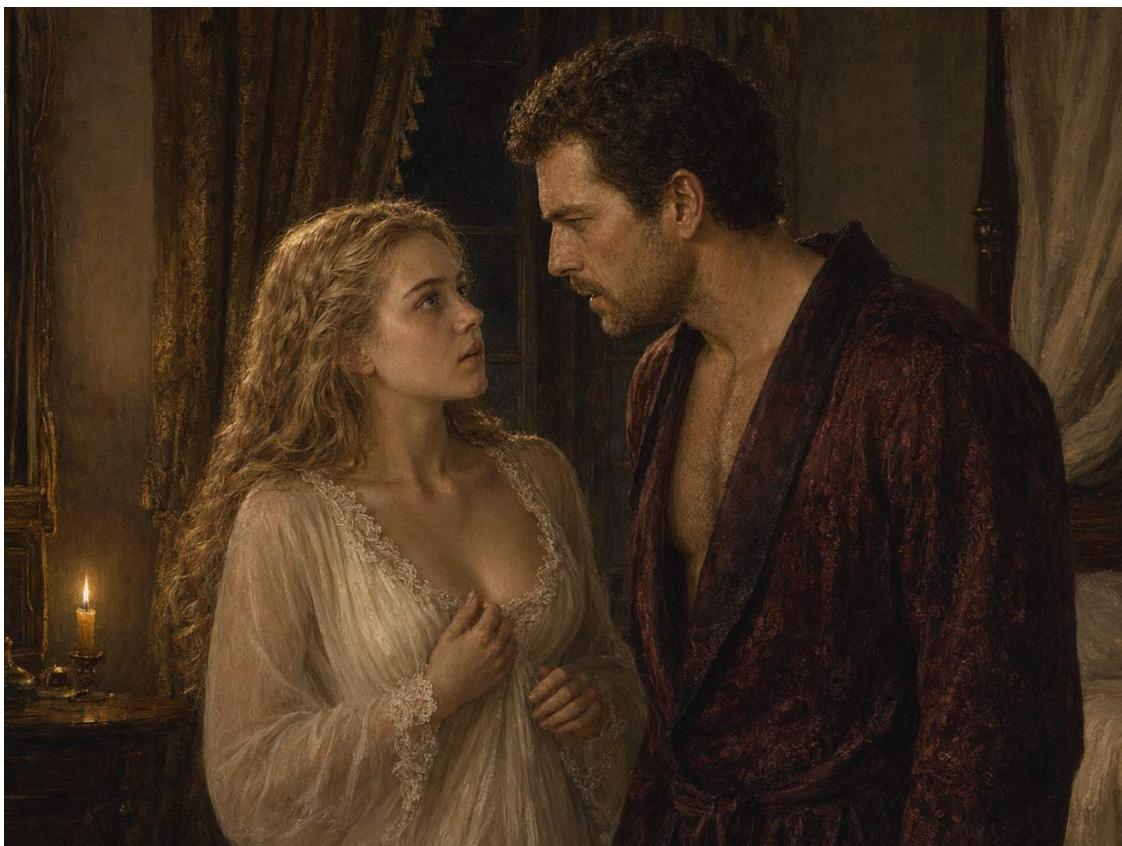
Элизабет не нашлась с ответом. Она и впрямь слишком мало знала о рабах, чтобы возражать. Джеймс сделал шаг к ней и продолжил:

— Дорогая, запомни раз и навсегда: черномазые не такие как мы. Доброту они принимают за слабость, а жалость — как позволение сесть хозяину на шею. Они словно дети: дай им волю — станут делать все, что вздумается. Поэтому мы должны быть с ними строги. Ради их же блага.

Пока он говорил, расстояние между ними сокращалось. Наконец Джеймс оказался так близко, что Элизабет обдало запахом табака и спиртного. Она невольно отодвинулась, но тут же одернула себя. Он теперь ее муж.

— Спасибо за совет, сэр, — пролепетала она, рассеянно теребя кольцо, тесно охватившее палец. — Просто у нас никогда не было черных слуг. Правда, на папиных фабриках работает несколько негров, но...

— Раздевайся!

— Что? — Элизабет нахмурилась, сбитая с толку тем, что он оборвал ее на полуслове.

— Снимай ночную сорочку!

Вскинув голову, Элизабет взглянула в его глаза. Муж выжидающе смотрел на нее.

Она сглотнула и потянула за тесьму, стягивавшую вырез сорочки. Бантик развязался.

Элизабет застыла в растерянности, но Джеймс даже не шелохнулся, чтобы помочь. Тогда она глубоко вдохнула, ухватила за подол и стащила сорочку через голову. На миг задержала ее в руках, прикрывая грудь, однако под требовательным взглядом мужа уронила на пол.

Теперь она стояла перед ним обнаженная, и от стыда ей хотелось провалиться сквозь землю. Джеймс неторопливо осматривал ее с головы до ног. По телу пробежали мурашки, а он, казалось, намеренно медлил, наслаждаясь ее все возрастающим замешательством.

Она его разочаровала? С ней что-то не так? Может, у нее есть какой-то телесный изъян, о котором она до сих пор не подозревала? Иначе почему он просто смотрит и молчит?

Может, дело в груди? Слишком маленькая? Слишком большая? Или не такой формы?..

— Розовые, — наконец произнес Джеймс. — Я так и думал.

— Что?

— Неважно. Ложись на живот!

Элизабет так растерялась, что не сразу поняла смысл его слов.

— Я неясно выражаюсь? Ложись поперек кровати, на живот! — раздраженно повторил Джеймс.

С ней еще никто не разговаривал подобным тоном. Но стоять обнаженной перед полностью одетым мужчиной и спорить было выше ее сил. Она молча подошла к постели и легла лицом вниз.

Джеймс склонился над ней и небрежно отбросил волосы со спины. Его ладонь медленно скользнула вдоль позвоночника. Элизабет затаила дыхание.

Муж звонко шлепнул ее по ягодицам, и она вздрогнула от неожиданности и хлесткой боли.

Затем он схватил ее за лодыжки и наполовину стащил с кровати, так что ей пришлось опуститься коленями на ковер. Сам Джеймс тоже опустился позади нее.

Оказавшись в позе,ставлявшей напоказ самые сокровенные части тела, Элизабет едва не умерла от стыда.

Она попыталась подняться, но ладонь Джеймса властно легла ей на поясницу, не позволяя пошевелиться. Элизабет почувствовала, как его пальцы ощупывают ее промежность.

Она попробовала отползти, но Джеймс удержал ее на месте. Навалившись сзади и обхватив под животом, он грубо надавил чем-то твердым на нежную плоть.

— Не надо! — пробормотала она, вжимаясь в край матраца.

— Тихо! — рыкнул Джеймс.

Он резко подался вперед, и Элизабет вскрикнула от боли. Муж не обратил на это никакого внимания и начал двигаться в ней туда-сюда. Она смяла пальцами простыню и закусила губу, чтобы не застонать. Между ног резало и жгло, каждый толчок мучительно отдавался в животе.

Тело покрылось испариной, по щекам текли слезы, а Джеймс продолжал, все ускоряя темп. Боль, хлюпающие звуки, безжалостный напор — все было настолько мерзко и унижительно, что Элизабет казалось, будто это кошмарный сон.

Когда Джеймс издал протяжный стон, сделал еще несколько толчков и замер, придавив ее к кровати, Элизабет почувствовала себя жестоко обманутой.

И это все?

Неужели именно это называли кульминацией любви, слиянием душ и тел, которое воспевали в романах? Неужели ради этого влюбленные страдали и преодолевали препятствия? Ради этого отвратительного животного совокупления?

Джеймс выпустил ее и поднялся с ковра. Элизабет, глотая слезы, забралась на кровать и натянула простыню до самого подбородка.

— Спокойной ночи, дорогая, — сказал муж, и в его голосе ей почудилась издевка.

Едва за ним захлопнулась дверь, Элизабет вскочила с постели и бросилась в уборную. Она забралась в остывшую ванну и, зачерпывая воду ладонями, принялась плескать ее на себя, пытаясь смыть грязь, в которой, как ей казалось, ее извлекли с головы до ног.

Между бедер щипало. Проведя там ладонью, Элизабет увидела на пальцах кровь. Кажется, так и должно было быть в первый раз?

Но почему Джеймс обошелся с ней так грубо? Взял ее в унижительной позе, не приласкал, не поцеловал. Чем она заслужила подобное обращение?

Выбравшись из ванны, Элизабет принялась вытираться еще влажным после купания полотенцем.

«Уеду! Завтра же отсюда уеду!» — шмыгая носом, бормотала она.

На пальце тускло блеснуло обручальное кольцо. Элизабет попыталась его стянуть, но пальцы слегка распухли от жары, и кольцо не поддавалось. Оставив тщетные попытки, она сползла на пол, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Никуда она не уедет. Без веской причины брак не расторгнуть. А даже если это каким-то чудом удастся, клеймо разведенной женщины запятнает ее репутацию до конца дней.

Это была ловушка.

И самое страшное — она загнала себя в нее сама.

Глава 3

Задув свечу, Элизабет легла на кровать и закуталась в простыню. Слава богу, у них с мужем отдельные спальни. Сейчас ей необходимо просто побыть одной.

Джеймс Фаулер оказался не сказочным принцем, а мужланом — бесцеремонным и черствым. Но, как знать, может, все так и должно быть?

Наверняка в романах многое приукрашивают, а на деле супружеский долг именно таков: постыдный, тягостный и неприятный. Удовольствие в постели — удел мужчин, а женщине полагается быть хорошей женой и матерью.

Ладно, что толку сейчас об этом рассуждать? Разве у нее есть выбор? Остается только смириться и как-то налаживать отношения с Джеймсом и его матерью.

Элизабет повернулась на другой бок, поудобнее устроилась на подушке и попыталась уснуть, но тут кто-то несмело поскребся в дверь.

— Кто там? — Приподнявшись на локтях, она настороженно взглядела в темноту.

— Миссис — раздался приглушенный детский голос. — Это Майк. Масса велел вас обмахивать, пока вы спите.

— Ничего не нужно, Майк. Иди спать.

— Пожалуйста, миссис, — заканючил он. — Масса меня побьет.

— Господи! — Она закатила глаза. — Ну так скажи ему, что я тебя отослала.

— Ну ми-исис!

В голосе зазвенели плаксивые нотки, и Элизабет со вздохом сдалась:

— Ладно, входи.

Дверь приоткрылась, и в спальню прошмыгнул негритенок. Он нес свечу, и в ее скудном свете Элизабет смогла его разглядеть. Круглая голова с выпуклым лбом казалась слишком большой для тщедушного тельца, а опахало из пальмовых листьев, которое мальчик держал в руке, было едва ли не вдвое длиннее его самого.

Майк улыбнулся. У него не хватало молочного зуба, отчего улыбка казалась одновременно трогательной и забавной.

— Спасибо, миссис.

Элизабет пожала плечами.

— Да не за что.

Она улеглась поудобнее, а Майк встал возле кровати и принялся изо всех сил размахивать опахалом, гоняя по комнате горячий воздух.

Стало немного приятнее, и Элизабет закрыла глаза. Но сон не шел. На душе скребло оттого, что она заставляет работать ребенка. На отцовских мануфактурах тоже трудились дети, но то были подростки, а этому мальцу на вид едва исполнилось пять.

— Сколько тебе лет? — Элизабет снова посмотрела на Майка.

— Э-э-э — Негритенок поднял глаза к потолку, и его губы беззвучно зашевелились.

«Он не знает ответа на такой простой вопрос?» — удивилась Элизабет.

— Семь, — без особой уверенности произнес мальчик.

— Семь? Хм Я бы не дала тебе и шести.

Майк ничего не ответил, лишь с таким усердием заработал опахалом, что у Элизабет зашевелились волосы на висках.

— Твои родители тоже живут в «Персиковой долине»? — поинтересовалась она.

— Да, миссис, — закивал Майк. — Мамка работает в поле. Ее зовут Люси.

— А отец?

Мальчишка помотал курчавой головой.

— Папки у меня никогда не было, миссис.

«Странно, — подумала Элизабет. — Неужели его мать не знает, от кого родила?.. Впрочем, какое мне дело? Уже, наверное, за полночь. Надо попытаться уснуть».

Она хотела повернуться на другой бок, но тут Майк смачно зевнул. Элизабет не придавала этому значения, однако мальчик, заметив ее взгляд, испуганно вытаращил глаза, поспешно прикрыл рот ладонью и весь сжался, словно ожидая удара.

— Спать хочешь? — поинтересовалась Элизабет.

— Нет, миссис, — заверил Майк и с удвоенной силой заработал опахалом.

Элизабет не поверила ему ни на грош. Почему он так испугался? Он всего лишь зевнул. Неужели здесь наказывают и за такие пустяки?

— А чем ты вообще занимаешься? — любопытствовала она. — Только машешь опахалом или у тебя есть еще какие-нибудь обязанности?

— Я делаю все, что мне велят Цезарь и тетушка Глория, миссис. — Майк горделиво вздернул нос.

— А кто такая тетушка Глория?

— Наша кухарка, миссис.

— И что же ты для нее делаешь?

— Да много чего, миссис. — Мальчишка перестал махать и принялся загибать пальцы. — Таскаю воду и дрова. Ношу из птичника яйца, чтобы она сготовила белым господам омлет на завтрак. Мою посуду, подметаю полы

— Погоди. Значит, всю ночь ты должен обмахивать меня, а утром пойдешь носить воду и дрова? А спишь-то ты когда?

— Я не сплю, миссис. Честно-честно!

Элизабет села на кровати и выхватила опахало из его рук.

Элизабет села на кровати и выхватила опахало у Майка из рук.

— Так! Вот что я тебе скажу: сейчас я постелю тебе на кресле, и ты ляжешь спать.

— Спать? На кресле? — ужаснулся Майк. — Нет-нет, миссис, масса меня побьет

— Он ничего не узнает, — отрезала Элизабет. — Я ему не скажу.

— Э-э-э ну А можно мне лечь на полу? Мне нельзя на кресло

В огромных круглых глазах читался такой благоговейный страх перед хозяйской мебелью, что Элизабет кивнула. Ладно, сойдет и ковер.

— Хорошо. Сейчас поищу, чем тебя укрыть и что подложить под голову вместо подушки.

— Не волнуйтесь, миссис, я и так могу спать. Мамка говорит, что меня даже из пушки не разбудить.

— Ну, как знаешь, — ответила Элизабет и, убедившись, что Майк свернулся калачиком у стены, снова откинулась на подушку.

Наутро ее разбудили громкие вопли, от которых едва ли не дребезжали оконные стекла.

— Майк! — во всю глотку орали во дворе. — Где тебя носит, ленивый черномазый гаде-ныш? Я с тебя шкуру спущу!

Майк мирно посапывал в углу на ковре. Вот уж действительно — даже из пушки не разбудить.

Элизабет поднялась с кровати, накинула пеньюар и, подойдя к балконной двери, отдернула занавеску. Под окнами стоял Цезарь и, поигрывая хвостом, свирепо озирался по сторонам.

Элизабет открыла дверь и высунулась наружу.

— Ты ищешь Майка? — спросила она. — Негритенка?

Цезарь поднял голову, и его черное лицо расплылось в подобострастной улыбке.

— Доброго утречка, мэм. Надеюсь, вам хорошо спалось?

— Спасибо, вполне, — кивнула Элизабет. — Так тебе нужен Майк?

— Да, мэм. Мисс Дороти потребовала кофе со сливками, а в кувшине — ни капли. Этот мелкий паршивец должен был принести их из погреба, но куда-то запропастился. Ну попадись он мне в руки, засранец эдакий, я из него дух вышибу!

— Прости, Цезарь, это моя вина. — Элизабет оглянулась на спящего мальчугана. — Майк всю ночь обмахивал меня веером и потому не успел вовремя приступить к работе. Я сейчас же пришлю его к тебе.

Она закрыла створку и подошла к ребенку. Тот лежал у стены, свернувшись калачиком и уткнувшись лицом в ковер.

— Эй, вставай! — позвала она, но Майк не шелохнулся. — Просыпайся!

Никакой реакции.

«Уж не помер ли он часом?» — испугалась Элизабет.

Она присела на корточки. Вроде бы дышит. Слава богу, живой.

Элизабет протянула руку, чтобы потормозить мальчика, но замерла, не решаясь прикоснуться к темной коже. Переборов себя, она все-таки потрясла его за плечо.

Ничего страшного не произошло: плечо оказалось самым обычным — теплым и худеньким.

Майк встрепенулся и распахнул блестящие карие глаза.

— Ой! — вскричал он и тут же вскочил на ноги. — Простите, миссис, я не хотел! Я не спал, честно-честно!

— Все в порядке, — успокоила его Элизабет. — Я сама разрешила тебе здесь поспать, забыл?

— Вы очень добрая, миссис! — Майк расплылся до ушей в щербатой улыбке. — И красивая!

— Да, да, — отмахнулась Элизабет. — А теперь скорее беги во двор. Цезарь тебя уже обыскался.

При этих словах Майк будто побледнел. Точнее, позеленел: его коричнево-желтое лицо приобрело болотный оттенок. Он опрометью кинулся к двери, и вскоре шлепки босых ног по ступеням стихли внизу.

Элизабет снова выглянула наружу. Майк как раз выбежал во двор, а Цезарь, завидев его, вскинул хворостину. Мальчишка попытался увернуться, но прут со свистом хлестнул его по спине.

Негритенок с визгом умчался прочь, а дворецкий вразвалочку направился к дому.

«Вот негодяй! — Элизабет проводила Цезаря сердитым взглядом. — Я же ясно сказала, что мальчик задержался из-за меня. Зачем его бить? Он ведь не сделал ничего дурного!»

Впрочем, уже скоро она выбросила Майка из головы. Воспоминания об ужасной брачной ночи камнепадом обрушились на нее, не давая вздохнуть.

Что делать дальше? Как вести себя с Джеймсом теперь, когда его романтический образ развеялся, будто дым? Окатить его ледяным презрением? Изобразить оскорбленную гордость? Или то, что произошло вчера в этой спальне, и впрямь было в порядке вещей, а она просто ожидала слишком многого?

Как жаль, что Анна — старая дева и с ней не поговоришь на столь деликатную тему. А больше обратиться было не к кому. Не спрашивать же, в самом деле, свекровь.

«Тем более миссис Фаулер, кажется, от меня не в восторге, — вздохнула Элизабет. — Интересно, чем я успела ей не угодить?»

Она взяла с тумбочки колокольчик и позвонила. Через минуту в дверь постучала Анна.

Умывание, одевание и причесывание заняли часа полтора. Когда Элизабет наконец спустилась в гостиную, часы на каминной полке показывали четверть девятого.

Миссис Фаулер в строгом черном платье пила кофе, изящно оттопырив мизинец. Джеймс расположился в кресле напротив. Он курил сигару, расслабленно закинув ноги на журнальный столик.

Оба уставились на Элизабет: свекровь — с надменным прищуром, Джеймс — с легкой усмешкой.

— Доброе утро, — поздоровалась она, чувствуя, как от напряжения сводит плечи.

— Утро? — Миссис Фаулер приподняла бровь и демонстративно посмотрела на часы. — Какое же это утро, милочка? Давно уже день на дворе. Мы так и не дождались тебя к завтраку.

— Что поделать, ма, на Севере все валяются в постели до обеда, — с ухмылкой бросил Джеймс, выпустив облачко дыма.

— Да уж. — Свекровь отпила кофе и, поставив чашку на столик, продолжила: — Это мы, южане, не можем позволить себе маяться бездельем, а у них там совсем другие нравы.

— Большое имение требует больших забот, дорогая Элизабет. — Джеймс вальяжно откинулся на спинку кресла. — Поэтому я ожидаю, что с завтрашнего дня ты не будешь залеживаться в постели.

— Простите, это больше не повторится.

От неожиданности Элизабет даже присела в книксене, но тут же мысленно одернула себя. Нечего лебезить перед этой семейкой. Пусть не рассказывают сказки о заботах и хлопотах.

Что-то особо занятыми они не выглядят. В доме полно слуг — так какой смысл вставать ни свет ни заря?

Но перечить она не решилась.

— Присаживайся. — Свекровь милостиво указала на кресло. — Хочешь кофе?

— Спасибо, не откажусь.

Желудок сводило от голода, но раз уж она проспала завтрак, придется довольствоваться кофе.

Элизабет вновь ощутила себя в ловушке. Дома она могла вставать, когда пожелает. Отец просыпался очень рано и либо работал в кабинете, либо уезжал в контору, поэтому по утрам они редко сидели за одним столом. Обычно завтрак ей подавали в постель.

А теперь она чувствовала себя приживалкой в чужом доме, вынужденной подчиняться заведенным здесь правилам. Господи, почему никто раньше не объяснил ей, что представляет собой семейная жизнь? Тогда она ни за какие коврижки не вышла бы замуж.

В гостиную вошла негритянка в синем платье, белоснежном переднике и накрахмаленном тюрбане. Она несла поднос, на котором поблескивал серебряный кофейник и белели чашки. Эта рабыня прислуживала вчера за ужином. Кажется, ее звали Сара.

Негритянка подошла к Элизабет и, не поднимая глаз, спросила:

— Желаете сахар и сливки, мэм?

— И то и другое, — кивнула Элизабет и, принимая из рук Сары наполненную чашку, улыбнулась: — Спасибо.

Тут раздался скрипучий голос свекрови:

— Ты не должна ее благодарить, дорогуша. Она всего лишь выполняет свои обязанности.

Элизабет вскинула голову.

— Да, но почему бы не проявить немного вежливости?

— Вежливости? — у миссис Фаулер вытянулось лицо. — По отношению к рабам?

— А почему нет? Они ведь тоже люди.

Свекровь будто передернуло от этих слов. Тонкие губы скривились в скорбной усмешке. Она повернулась к Джеймсу, которому, казалось, происходящее было совершенно безразлично.

— Сынок, ты слышал? — ехидно спросила она. — «Негры тоже люди». Похоже, ты женился на аболиционистке.

— Ма, не носи ерунды, — лениво отмахнулся Джеймс. — Откуда ей знать, как следует обращаться с рабами? Нужно дать ей время привыкнуть к нашим порядкам.

«Не думаю, что когда-нибудь к ним привыкну», — мрачно подумала Элизабет и пригубила кофе.

— Ну так просвети ее, — потребовала свекровь и добавила замогильным голосом: — Когда я умру, вести хозяйство придется твоей жене. И, боюсь, тогда все в этом доме пойдет наперекосяк.

— Ма, не драматизируй! Ты проживешь еще по меньшей мере лет сто.

Миссис Фаулер томно откинулась на спинку дивана и театрально приложила руку ко лбу.

— Боюсь, ты сведешь меня в могилу гораздо раньше, — простонала она.

— Тогда не стану больше тебе надоедать. — Джеймс затушил сигару и поднялся с кресла. — Элизабет, не хочешь прогуляться? Покажу тебе «Персиковую долину».

Не имея ни малейшего желания оставаться наедине с противной старухой, Элизабет сразу встала.

— Буду очень рада.

— Не забудь шляпку, — напомнила свекровь. — У нас такое солнце, что ты мигом почернееешь, как негритянка.

— Тогда, чего доброго, Браун перепутает ее с рабыней и отправит собирать хлопок, — усмехнулся Джеймс.

«Ха-ха, как остроумно!» — Элизабет кисло улыбнулась и направилась в свою комнату переодеваться для прогулки.

Глава 4

Джеймс и Элизабет спустились на усыпанную светлым гравием подъездную площадку. В палисаднике под окнами пламенела герань, а вокруг дома раскинулась аккуратно подстриженная лужайка. Трава была такой густой и сочной, что хотелось сбросить туфли и пробежаться по ней, как по ковру.

— Сегодня чудесный день для прогулки, не так ли, дорогая? — Джеймс взял Элизабет под руку и увлек на дорожку, огибающую особняк.

— Да, пожалуй, — кивнула она.

Погода и впрямь была приятной. Яркое светило солнце, освежающий ветерок гнал по небу пушистые белые облака. И воспоминания о прошлой ночи немного померкли на фоне этой жизнерадостной красоты.

Завернув за дом, они оказались в персиковом саду. Деревья шелестели глянцевой листвой, косматые ветви сгибались под тяжестью зреющих плодов. Пустой желудок вновь дал о себе знать, и Элизабет сглотнула слюну.

Персики на нижних ветвях были еще зелеными, зато наверху дразнились румяными боками спелые плоды. Эх, слишком высоко, не дотянуться. Вот если бы Джеймс наклонил ветку, можно было бы сорвать хотя бы один.

Элизабет покосилась на мужа, но тот выглядел таким высокомерным и отстраненным, что простая просьба застряла на языке. Может он догадается сам?

Но Джеймс, не замечая ее терзаний, шагал вперед. Они миновали розарий, где усердно трудился чернокожий садовник, и беседку на берегу заросшего кувшинками пруда.

Джеймс начал что-то рассказывать о плантации, но Элизабет почти все пропускала мимо ушей. Вчера за ужином свекровь уже изложила всю историю поместья, и слушать то же самое по второму кругу было неинтересно.

Мысли о персиках не шли из головы. Джеймс даже не предложил ее угостить. Разве он не понимает, как она голодна? Ведь знал, что со вчерашнего дня она ничего не ела. Неужели не заметил, каким жадным взглядом она пожирала плоды?

От обиды перехватило горло, в носу защекотало от слез.

— Почему ты на мне женился? — неожиданно вырвалось у нее.

— Что? — Джеймс остановился и недоуменно взглянул на нее из-под широких полей шляпы.

Элизабет тут же испугалась собственной дерзости. Разве можно спрашивать о таком? Вдруг он разозлится!

Но, к ее удивлению, муж ответил спокойно.

— Не стану лгать, Элизабет. Я не пылаю к тебе безумной любовью, — с легкой насмешкой в голосе произнес он.

Слышать это было неприятно, хотя после прошлой ночи Элизабет и лишилась большей части иллюзий.

— Но, тогда зачем? — дрогнувшим голосом спросила она.

Муж равнодушно пожал плечами.

— Мне уже тридцать пять, и мать требует внуков. Рано или поздно пришлось бы на ком-нибудь жениться. Так почему бы не на тебе?

— Что-то миссис Фаулер не в восторге от твоего выбора, — фыркнула Элизабет.

— Еще бы. — Джеймс криво усмехнулся. — Она мечтала, что я женюсь на южанке из хорошей семьи.

— Из «хорошей семьи»?

— У нас на Юге хорошей считается семья, чьи предки были среди первых переселенцев. Или, на худой конец, прожили здесь хотя бы лет пятьдесят. А если ты приехал десять или двадцать лет назад, то будь у тебя хоть три сотни рабов, ни один уважающий себя плантатор не отдаст за тебя дочь.

«Да уж, спеси у этих «дикси» хоть отбавляй, — подумала Элизабет. — Папа был прав. Корчат из себя голубую кровь, а на деле лишь поселились здесь раньше других».

— Ну и почему же ты не женился на девушке из «хорошей семьи»? — едко поинтересовалась она.

— А на кой черт мне жеманная дура, за которой дадут в приданое клочок земли да горстку рабов? — презрительно бросил Джеймс. — Мне и своих-то девать некуда. А вот мануфактуры и торговая компания твоего папаши пришлись весьма кстати. Теперь я могу выгодно сбывать свой хлопок в Европу.

— Ха! — возмущенно выпалила Элизабет. — Значит, ты женился на моем наследстве?

— Ну что ты, дорогая, — нарочито ласково протянул Джеймс. — Будь ты уродливой старой девой, тогда меня еще можно было бы в этом упрекнуть. Но ты молода и хороша собой. Так что, как выражаются у вас на Севере, я обстригал весьма выгодное дельце.

«Вот мерзавец! — Элизабет досадливо поморщилась. — И где только были мои мозги, когда я выходила за него замуж?»

— Что с лицом, дорогая? — Джеймс с напускной заботой взял ее под руку. — Тебе не понравилось то, что я сказал?

— Признаться, я не в восторге, — кисло процедила она.

— Да полно тебе. Просто не вижу смысла лгать. Ты ведь не из тех наивных дур, которые мечтают о великой любви?

Именно о великой любви Элизабет и мечтала, но теперь не призналась бы в этом даже под страхом смерти. Раз уж она, словно глупая муха, угодила в сети циничного паука, винить было некого, кроме самой себя.

— Нет, я не из таких, — сухо ответила она, желая поскорее прекратить неприятный разговор.

Джеймс снисходительно кивнул.

— Рад это слышать, дорогая. И, надеюсь, что отныне ты будешь вести себя как подобает супруге уважаемого человека.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Элизабет.

— Разве тебя не учили, что леди не пристало высовываться из окна спальни в неглиже? Элизабет нахмурилась.

— Ты говоришь о сегодняшнем утре?

— Именно. Хорошо, что Цезарь — преданный раб, и твое неподобающее поведение не выйдет за пределы поместья.

— Вот негодяй! — Элизабет яростно замахала на себя веером.

— Почему негодяй? Он, как честный слуга, обо всем доложил своему господину.

— А он не доложил, что ни за что ударил мальчика, которому ты велел всю ночь стоять у моей постели?

— И что с того? Разве это повод забывать о приличиях?

— Я просто хотела защитить ребенка.

Джеймс со страдальческим вздохом закатил глаза.

— Дорогая, запомни раз и навсегда: негры не нуждаются в твоей защите. Наверняка этот мелкий негодник наврал с три короба о том, как он устал, и как тяжело ему приходится работать от зари до зари.

— Хочешь сказать, это неправда?

Джеймс прищурился, и по его губам скользнула жесткая усмешка.

— Правда в том, — отчеканил он, — что черномазые — ленивый и лживый скот. Стоит лишь дать слабину, и они сядут тебе на шею, выдумав тысячу причин, чтобы отлынивать от работы.

— Но — Элизабет открыла рот, собираясь возразить, но Джеймс оборвал ее на полуслове:

— Все! Я не желаю продолжать этот разговор. Впредь ты перестанешь мне перечить и будешь вести себя, как подобает моей жене.

— Не нравится — можешь развестись, — буркнула Элизабет себе под нос.

Джеймс вдруг схватил ее за плечи и встряхнул так резко, что зубы клацнули друг о друга и она едва не прикусила язык.

— Не смей даже заикаться об этом! — прошипел муж. — Я скорее пристрелю тебя и закопаю на заднем дворе, чем запятнаю свою фамилию разводом. Поняла?

— Поняла, — холодея от страха, выдавила она.

— Вот и прекрасно, дорогая. Идем дальше.

Хозяйственные постройки — конюшня, мастерские, амбары и скотный двор — располагались в стороне от Большого Дома, чтобы не тревожить господ шумом и неприятными запахами.

Повсюду кипела работа. Двое негров с блестящими от пота спинами ремонтировали телегу. Черный как уголь старик набивал обруч на бочку. Толстуха в окровавленном переднике ощипывала битую птицу, а из-под навеса кузницы доносился звонкий металлический стук.

Посреди двора стоял коренастый белый мужчина в широкополой шляпе. Заложив пальцы за жилетные лацканы, он придирчиво наблюдал за рабами. На его поясе висела кобура и свернутый кнут.

Увидев Элизабет, мужчина приподнял шляпу, обнажив всклокоченные сальные волосы, и изобразил улыбку на мясистом бородатом лице.

— Познакомься, дорогая, это Билл Браун, наш управляющий, — представил его Джеймс.
— Билл, это моя жена.

— Очень приятно, мэм. — Билл Браун отвесил неуклюжий поклон.

— Взаимно. — Элизабет улыбнулась.

— Все в порядке? — осведомился Джеймс, оглядывая двор.

Браун ослабил желтоватые зубы.

— Да, сэр, — кивнул он и, немного поколебавшись, добавил: — Разве что

— Что?

— Фанни так и не поднялась после выкидыша, — сказал Браун и, перехватив оторопелый взгляд Элизабет, смутился. — Простите, мэм. Мне не следовало говорить это при леди.

Джеймс не обратил внимания на его извинения.

— Как давно она не встает?

— Четыре дня, сэр.

— Вот чертова негритянка! Наверняка притворяется, чтобы не работать. Где она? Идем!

— Сюда, сэр.

Джеймс и Элизабет последовали за Брауном и вскоре оказались в поселке из нескольких десятков приземистых лачуг. Управляющий подошел к одной из них. У крохотной хибары, сколоченной из потемневших досок, не было даже дымовой трубы.

Прежде, чем войти, Джеймс вытянул руку, преграждая Элизабет путь.

— Дорогая, тебе лучше подождать снаружи. Там очень грязно. Эти черномазые живут как свиньи.

— Нет, я тоже хочу посмотреть, — с неожиданным упрямством возразила она. — Я должна знать, что происходит в «Персиковой долине». Это ведь теперь и мой дом.

Джеймс пожал плечами.

— Как пожелаешь.

Браун потянул на себя скрипучую дверь и, пропустив хозяина, вошел внутрь. Элизабет последовала за мужчинами.

Едва она оказалась в лачуге, как в нос ударила чудовищная вонь. От тяжелого запаха протухшей крови, мочи и какой-то гнили перехватило дыхание. Под потолком с монотонным жужжанием кружили полчища мух.

Дыша ртом, Элизабет остановилась у входа, вглядываясь в полумрак. Когда глаза привыкли к темноте, она различила у стены койку, заваленную кучей выцветшего тряпья.

— Фанни, — позвал Джеймс, и куча зашевелилась.

— Да, масса Джеймс, — тихо просипели в ответ.

— Почему ты не на работе?

— Масса Джеймс, я не могу подняться. Кровь никак не останавливается, и меня всю трясет. То в жар бросает, то в холод. Нездоровится мне, масса Джеймс.

— Чушь! Я дал тебе три дня. Живо поднимайся, и за работу! Нечего здесь бока отлеживать!

— Хозяин, я пыталась встать, клянусь вам, но я не могу. Ноги не держат, а кровь хлещет как из ведра.

Голос рабыни звучал так тихо и жалобно, что Элизабет не выдержала.

— Что с тобой случилось? — спросила она прежде, чем Джеймс успел снова открыть рот.

На черном изможденном лице блеснули испуганные глаза. На вид негрityнке можно было дать лет пятьдесят. Странно, разве в таком возрасте еще рожают детей? Или тяжелая жизнь преждевременно состарила ее?

— Что молчишь, будто язык проглотила? — прикрикнул Браун. — Отвечай на вопрос госпожи.

— Простите, миссис, — пролепетала рабыня. — Я работала в поле, и у меня вдруг живот прихватило. Со мной уже такое бывало, когда я носила предыдущих детей. Мне бы прилечь, может, все и обошлось бы, но масса Билл велел продолжать работу.

Закипая от гнева, Элизабет повернулась к управляющему.

— Вы не позволили отдохнуть беременной женщине?

Тот развел руками.

— Ну так, мадам, если позволить черномазым прохлаждаться, кто работать-то будет? Она ведь была всего на седьмом месяце.

— На седьмом месяце? Какого черта она вообще делала в поле? — выпалила Элизабет. Джеймс тут же вцепился ей в локоть и потащил к выходу.

— Что за выражения! — рявкнул он уже на улице. — Ты забываешься, дорогая. Леди так себя не ведут!

— Пусти меня! — Элизабет попыталась выдернуть руку, но безуспешно. — Этой женщине нужен доктор!

— Ей нужна хорошая порка! — бросил Джеймс и, заглянув в хижину, приказал: — Билл, немедленно отправь ее на работу. Сегодня пусть трудится в прачечной, а с завтрашнего дня верни на плантацию. Больше никаких поблажек.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Браун. — Усекла, черномазая? Давай, поднимайся поживее, не то отведаешь моего кнута.

Из хижины донеслись шорох тряпья, скрип досок и сдавленный стон.

— Но это жестоко! — взмолилась Элизабет. — А если она умрет?

— Не переживай, дорогая, ниггеры живучи, как собаки. Ладно, пойдем домой. Похоже, тебе напекло голову.

— С чего ты взял?

— Ведешь ты себя как-то странно.

С этими словами муж потащил ее прочь.

— Что странного в том, что я заступилась за больную женщину? — спросила Элизабет, едва поспевая за ним.

Оглянувшись, она увидела, как Фанни вышла из лачуги. Сделав шаг, негритянка покачнулась и замерла, вцепившись в дверной косяк. Следом, почесывая брюхо, показался Браун.

— Давай! Пошла! — прикрикнул он.

Фанни, придерживая живот и шатаясь из стороны в сторону, побрела к хозяйственному двору.

Больше Элизабет ничего не увидела: хижины скрылись за кронами деревьев.

— Почему ты так жестоко с ней поступил? — не выдержала она.

— Я? — совершенно искренне изумился Джеймс. — Где ты увидела жестокость, дорогая? Я целых три дня кормил ее задаром. Но ведь всему есть предел — у меня не благотворительное заведение. Ты ведь тоже не стала бы держать в доме прислугу, которая только ест и спит.

— Но она больна!

— И что? Я здесь при чем?

— При том, что она была в положении, а ты заставил ее тяжело работать.

— Я не стою с кнутом над моими неграми, дорогая, — усмехнулся Джеймс. — Для этого у меня есть специально обученные люди.

— Какая разница, кто именно это сделал? Все равно это произошло с твоего ведома.

— Брауну платят за то, чтобы работа выполнялась с наибольшей пользой. А методы он волен выбирать сам.

— Значит, тебе все равно, если он заморит рабов до смерти? Главное — прибыль?

Джеймс резко повернулся и словно клещами стиснул пальцами ее подбородок.

Элизабет оцепенела. Лицо мужа побагровело, ноздри раздулись, а глаза стали пугающе белыми, будто исчезли зрачки.

— Хватит нести чушь о том, в чем ты ни черта не понимаешь! — прошипел он. — Я не намерен перед тобой отчитываться. Твоя задача — родить мне наследника. Вот на этом и сосредоточься, любимая.

Он отпустил ее, и Элизабет в страхе отшатнулась. Джеймс же как ни в чем не бывало снова взял ее под руку.

Глава 5

Элизабет вихрем взлетела по лестнице и ворвалась в свою комнату, до смерти напугав служанку.

— Что случилось, мадам? — ошарашено спросила та.

Веер и шляпка полетели на кровать, а сама Элизабет плюхнулась за туалетный столик.

— Ах, Анна, где были мои глаза, когда я выходила замуж за этого человека? — сокрушенно воскликнула она.

— Почему вы так говорите?

И Элизабет, сама того не желая, вывалила на служанку все подробности сегодняшней прогулки. Не утаила даже тот унижительный факт, что Джеймс женился на ней ради наследства. Ее всегда учили, что откровенничать с прислугой неприлично, но так хотелось излить душу, что сдержаться было не в состоянии.

— Не мне, конечно, судить, мадам, — подытожила Анна, расшнуровывая ее корсаж. — Но, думаете, замужем за мистером Маккинзи было бы лучше?

Перед глазами возникло одутловатое лицо Альберта, а в ноздри словно ударил кислый запах из его рта. Лечь с ним в одну постель? Бр-р! Какой бы неприятной и унижительной ни была вчерашняя ночь с Джеймсом, хотя бы физического отвращения он не вызывал.

— Знаешь, — пробормотала Элизабет, — лучше бы я вообще не выходила замуж. Ничего хорошего в этом нет.

— Ну, тут уж, наверное, как повезет — задумчиво протянула Анна. — Вот, к примеру, ваша маменька, царствие ей небесное, была вполне счастлива с вашим отцом.

Элизабет промолчала. Она почти не помнила свою мать.

— Жаль, что Господь так рано призвал ее к себе, — вздохнула служанка. — Поднимите-ка руки, мадам.

Элизабет исполнила просьбу, и Анна, стащив с нее прогулочное платье, облачила ее в домашнее.

— А что касается рабов, мэм, — продолжила она, расправляя муслиновые оборки, — я вам так скажу: у нас на Севере бедняки живут не слишком-то лучше.

— Да ну? — Элизабет нахмурила брови. — Они хотя бы свободны, и никто не бьет их кнутом.

— Не бьет? — усмехнулась служанка. — А вы спросите у моего братца. Он работает на литейном заводе. И недели не проходит, чтобы мастер не навешал ему тумачков. Ну да, мутузят его кулаками, а не кнутом, но, думаете, ему от этого легче?

— По крайней мере, он может уйти с этого завода и поискать себе работу получше.

— Ну вы и скажете, мадам, — хмыкнула Анна. — Куда ж он пойдет-то? Таких как он за забором пруд пруди. Пока он будет новую работу искать, его жена и дети с голоду перемерут. Вот ваш супруг — целых три дня дал той женщине отлежаться. А на заводе разговор короткий: захворал — пошел вон!

Элизабет лишь вздохнула. Хорошо, что она родилась в богатой семье, и ей не приходится в поте лица зарабатывать себе на хлеб. Она не могла представить себя в роли прислуги или, не приведи Господь, рабыни. Ей стало стыдно за свое нытье. Бог милостив к ней, поэтому не стоит гневить его своими жалобами.

Обед прошел спокойно. Муж и свекровь перемывали косточки каким-то знакомым, а Элизабет полностью сосредоточилась на еде. Она была столь голодна, что, покончив со сладким картофелем и отбивными, едва удержалась, чтобы не облизать тарелку. Лишь умяв огромный кусок орехового пирога, она удовлетворенно откинулась на спинку стула.

После трапезы семейство расположилось на террасе в креслах-качалках. Майк усердно размахивал опахалом. Девочка-негритянка подала свекрови корзину для рукоделия, и миссис Фаулер принялась вышивать. Джеймс закурил сигару и развернул газету. Элизабет открыла книгу.

Новый роман «Грозовой перевал» захватил ее с головой. История Изабеллы даже напомнила ей свою собственную. Безрассудная любовь ослепила несчастную девуцу. Она сбежала с предметом своих воздыханий, но вскоре обнаружила, что связала жизнь с негодяем.

«Какие же все-таки мы, женщины, дуры! Покупаемся на романтические бредни и оказываемся замужем за мерзавцами. — Элизабет украдкой взглянула на Джеймса. — Вот так мечтаешь о мистере Рочестере, а попадетс какой-нибудь Хитклифф, и мучайся с ним потом всю жизнь».

В ее размышления ворвался голос супруга:

— Наконец-то чертов Тейлор отбросил копыта, — с удовлетворением заметил он.

— Какой Тейлор? — поинтересовалась миссис Фаулер, не отрываясь от шитья.

— Как какой? Президент.

Элизабет оторопела. Президент Тейлор мертв?

— Сынок, не по-христиански так говорить о покойном. — Свекровь укоризненно покачала головой.

— Знаешь, ма, этот осел собирался наложить вето на компромисс. Если бы он это сделал, Юг сразу бы отделился. Мы уже сыты по горло тем, что янки вечно суют нам палки в колеса.

— Да уж, — со скучающим видом пробурчала свекровь.

Судя по всему, ее, как истинную леди, совершенно не волновала политика, и поддакнула она лишь для того, чтобы поддержать разговор. Элизабет тоже получала наставления, что слабому полу не к лицу интересоваться столь низменными вещами, но, тем не менее, украдкой иногда почитывала газеты.

— Надеюсь, его преемник окажется не таким твердолобым и подпишет этот чертов компромисс, — добавил Джеймс.

— Что за компромисс? — безразлично спросила свекровь.

— В основном дело касается новых территорий. Они в Конгрессе никак не могут определиться, разрешать ли рабство в Калифорнии и Техасе. Но меня больше волнует закон о беглых

рабах. Если его примут, то эти вонючие аболиционисты больше не смогут прятать сбежавших ниггеров в своих городах.

— Кстати о сбежавших ниггерах — Впервые за весь разговор в голосе миссис Фаулер прорезался интерес. — Что слышно насчет тех двоих как их там?

— Квимбо и Моисея? Не переживай, ма, далеко им не уйти. — Джеймс, попыхивая сигарой, откинулся в кресле-качалке. — Пирсон знает свое дело. Он их найдет.

— У вас сбежали рабы? — полюбопытствовала Элизабет.

— Да. Неблагодарные твари! Но это пустяки. Увидишь, негроловы в два счета сцапают этих скотов.

— Надеюсь, что нет, — одними губами пробормотала Элизабет, снова склоняясь над книгой.

Чем ближе стрелки часов подползали к вечеру, тем тревожней становилось на душе. Джеймс вновь придет в ее спальню и будет проделывать с ней всякие мерзости. Ожидание неизбежного комом встало в желудке, и за ужином Элизабет приходилось буквально впикивать в себя каждый кусок.

— Вы вся дрожите, — заметила Анна, расчесывая ее перед сном. — Волнуетесь?

— Да, немного, — призналась Элизабет, разглядывая в зеркале свое мертвенно бледное лицо.

— Но ведь вчера вы уже

— Да. И мне не понравилось! — неожиданно резко вырвалось у нее.

— Ну, женщинам и не должно нравиться, — заметила Анна, неспешно водя гребнем по волосам. — Вы же не распутница, чтобы получать удовольствие от всякого непотребства.

«Уж лучше была бы распутницей, тогда, может, мне не было бы так паршиво», — подумала Элизабет. Хотя, вряд ли самой последней распутнице понравилось бы то, что вчера Джеймс проделывал с ней.

— Послушай, Анна, а как это вообще должно происходить? — запинаясь, спросила она. Служанка вытаращила глаза.

— В каком смысле? — удивилась она. — Вы же вчера

— Ну в какой позе? — пролепетала Элизабет, чувствуя, как запылало лицо.

Анна пожала плечами.

— Я-то сама девица, поэтому личным опытом поделиться не могу, — сказала она. — Но, насколько я знаю, мужчина должен быть сверху, лицом к лицу. А что, разве у вас с мистером Фаулером было не так?

— Ах нет, что ты! Все было именно так, — торопливо заверила Элизабет, прижав ладони к горящим щекам.

Нет, она ни за что не признается, что ее поимели сзади. Прямо как ту рыжую псину — еще в детстве она увидела в парке, как спариваются две собаки. Гувернантка быстро закрыла ей глаза и увела прочь, но зрелище успело намертво отпечататься в мозгу.

Ни в романах, ни даже в медицинском справочнике Элизабет не встречала детальных описаний соития. Но догадывалась, что оно происходит, как и сказала Анна, лицом к лицу.

Нужно поговорить с мужем. Она — леди, а не портовая шлюха, и не намерена терпеть подобное обращение. Если уж приходится исполнять супружеский долг, то пусть все будет в рамках приличий.

«Может он сегодня не придет?» — с надеждой подумала Элизабет, садясь на расстеленную кровать.

Но он пришел. Приблизился к ней и, обдавая запахом алкоголя и табака, схватил за руку, заставляя подняться.

— Почему на тебе до сих пор это тряпье? — Джеймс дернул ворот ночной сорочки с такой силой, что затрещала ткань.

— Что ты делаешь? — Элизабет схватила за его руку. — Прекрати!

— Тебе что-то не нравится?

— Почему ты так груб со мной?

— Груб? — Джеймс отступил на шаг, с усмешкой вглядываясь в ее лицо. — Я сама нежность, моя дорогая. Давай, раздевайся и поворачивай ко мне свой прелестный зад.

Перед глазами возникли две собаки, совокупающиеся на идеально подстриженной траве.

— Это непристойно! — возразила Элизабет.

— Что непристойно?

— Поза, в которой ты собираешься — Она осеклась, шумно сглотнув.

Губы Джеймса искривила презрительная усмешка.

— Любопытно, — с ленцой протянул он, — и откуда же это моей супруге известно, что пристойно, а что нет? Видимо, у тебя богатый опыт в этих делах?

Элизабет вспыхнула. Да как он смеет!

— Ты же знаешь, что нет, — ледяным тоном отчеканила она.

— Девственность еще не означает невинность, — глубокомысленно заметил Джеймс.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, насколько мне известно, у вас на Севере свободные нравы. Откуда мне знать, как далеко ты заходила со своими воздыхателями до меня?

— Никуда я с ними не заходила! — возмутилась Элизабет.

Джеймс шагнул к ней. Она отшатнулась, но уперлась в кровать. Муж схватился за подол ночной сорочки и после недолгой возни, Элизабет оказалась голой. Она прикрыла руками грудь и лобок, а Джеймс отшвырнул сорочку в угол и сел на матрас.

— Есть разные способы получить удовольствие, не испортив товар, — сказал он. — Вставай на колени!

— Что?

— Ты глухая? Вставай передо мной на колени.

— Зачем?

— Делай, что я велю! — Он стиснул ее запястье. — Ты моя жена, и обязана мне подчиняться.

— Отпусти! Мне больно! — Элизабет дернулась, но Джеймс, не размыкая цепких пальцев, настойчиво потянул ее вниз.

— На колени! Это приказ! — рявкнул он.

— Я тебе не рабыня! — в отчаянии выпалила она.

— Ошибаешься, дорогая, — вкрадчиво протянул муж. — Ты моя жена. Миссис Джеймс Фаулер. Да у тебя даже собственного имени нет! И прав у тебя не больше, чем у негритянки. Знаешь, я ведь могу избить тебя до полусмерти, и мне за это ничего не будет. Так что, живо на колени, иначе узнаешь, что у нас на Юге делают с непокорными рабынями.

Ошеломленная его угрозами, Элизабет опустилась на ворсистый ковер.

— Вот и хорошо, — довольно пробормотал Джеймс. — Умная девочка.

Он раздвинул ноги и распахнул халат, выставляя все напоказ. Элизабет, до сих пор никогда не видевшая голых мужчин, стыдливо зажмурилась.

— Открой глаза! — приказал Джеймс.

Она упрямо покачала головой. Тогда муж грубо схватил ее за волосы и притянул к своему паху. Элизабет с ужасом ощутила, как что-то скользкое мазнуло по ее губам.

— Давай! Оближи его!

Сердце стучало как бешеное, тело сотрясала дрожь. Господи нет! Это невыносимо! Он сошел с ума! Как он может заставлять ее делать такое!

Элизабет стиснула зубы так сильно, что казалось, вот-вот они раскрошатся. Рванулась назад, но Джеймс зажал пальцами ее ноздри.

— М-м-м! — замычала Элизабет, пытаясь отцепить от себя его руку.

— Не дергайся, или я сломаю тебе нос! Давай уже, открывай рот!

Он слегка крутанул ее нос, и Элизабет в страхе, что он выполнит свою угрозу, приоткрыла рот.

— Шире! — велел Джеймс, и когда она повиновалась, мужской орган протолкнулся ей между губ.

Он оказался солоноватым, не особо противным на вкус. Но когда головка скользнула по языку и ткнулась в нёбо, желудок скрутило мучительным спазмом.

Элизабет едва успела отпрянуть от Джеймса, как ее стошнило на ковер. Содрогаясь в рвотных позывах, она услышала брезгливый комментарий:

— Господи, какая гадость! Никчемная дура!

Глава 6

Сквозь сон Элизабет услышала, как внизу пробили часы. Шесть ударов. Жутко не хотелось вставать в такую рань, но съеденный ужин вчера оказался на полу, и пустой желудок настойчиво давал о себе знать.

Элизабет села на кровати и спустила ноги на пол. В воздухе витал кисловатый запах, на ковре темнело пятно. Она поморщилась, вспомнив, как вчера вытирала полотенцами рвоту и замывала следы. Анну она не будила: и так наболтала ей лишнего, не хватало опозориться еще сильнее.

Джеймс — грязный извращенец! Как у него только хватило ума сунуть ей в рот свой Фу, какая мерзость! Нет, не стоит об этом думать, иначе ее снова стошнит.

Когда она вошла в столовую, пробило семь. Родственнички уже сидели за накрытым столом.

— Доброе утро! — буркнула Элизабет.

Миссис Фаулер смирила ее оценивающим взглядом и надменно кивнула.

— Доброе утро.

Джеймс растянул губы в глумливой усмешке.

— Добро утро, дорогая, как спалось? — слащаво осведомился он.

Внутри все кипело от злости, но Элизабет сдержалась.

— Прекрасно.

Сара почтительно отодвинула для нее стул, и она села за стол. После короткой молитвы семейство приступило к завтраку. Вафли, бисквиты и яйца показалась на голодный желудок такими вкусными, что Элизабет стала с жадностью Гаргантюа поглощать еду, и лишь, натолкнувшись на осуждающий взгляд свекрови, поубавила пыл.

После завтрака миссис Фаулер предложила показать Элизабет дом. В сопровождении девочки негритянки, которая таскала следом огромную связку ключей, они отправились бродить по этажам, заглядывая в каждый чулан.

Везде царил идеальная чистота. Навощенные полы так блестели, что хотелось прокатиться по ним, словно по льду. Фарфоровые тарелки, чашки, салатницы и блюда выстроились в сервантах ровными рядами, как солдаты на плацу.

Бесчисленные вазочки и статуэтки на каминных полках сверкали как новенькие, а сколько миссис Фаулер ни проводила платочком по шкафам — на белоснежном батисте не оставалось ни следа.

Столь безупречный порядок и восхищал, и пугал одновременно. Сама Элизабет не могла похвастаться такой аккуратностью. Бросить книжку там, где читала, или оставить на столике чашку недопитого чая было для нее в порядке вещей.

Конечно, миссис Фаулер не самолично вытирала пыль и надраивала полы, но так вышколить прислугу тоже надо уметь.

— В этом доме просто идеальная чистота! — совершенно искренне сказала Элизабет, когда они очутились в гостиной.

Свекровь издала высокомерный смешок.

— Идеальная? Ошибаешься, милочка. Разве можно добиться совершенства от этих глупых рабов?

— Но я не заметила ни соринки.

— Сейчас увидишь, — заверила ее свекровь и позвала: — Роза, Сара! Живо сюда!

За дверью раздался торопливый топот, и в гостиной показались рабыни. Роза была ниже ростом и более темнокожей, а Сара — чуть повыше и посветлей, но в целом девушки — в белых тюбанах, синих платьях и крахмальных передниках — смотрелись как сестры-близнецы.

— Да, мисс Дороти, — пролепетала Сара, не поднимая глаз.

— Ну-ка, отодвиньте этот комод, — велела свекровь.

Она ткнула костлявым пальцем в массивную тумбу с кучей резных дверок и ящичков.

— Да, мэм.

Негритянки подошли к комоду. Элизабет подумала, что они будут его толкать, но рабыни присели, подхватили его снизу и, с огромным усилием оторвав от пола, перенесли вбок.

«Боятся поцарапать паркет, — догадалась Элизабет. — Но ведь он такой тяжеленный!»

— Погляди-ка, дорогуша. — Миссис Фаулер с торжествующим видом указала на то место, откуда убрали комод. — Полюбуйся, какая грязь!

Элизабет взглянула на прямоугольник, который блестел чуть тусклее, чем остальной паркет.

— Хм Может и есть немного пыли, но разве это грязь?

Свекровь трагично закатила глаза.

— «Разве это грязь?» — с надрывом в голосе передразнила она. — «Разве это грязь?» Боже, дай мне терпения! Да, милочка! Это грязь! Самая настоящая грязь!

Она повернулась к рабыням и ткнула в них обличающим перстом.

— Отвечайте, мерзавки, вы почему не вымыли пол?

Негритянки молчали, виновато понутив головы.

— Говорите, ленивые дуры!

— Мы мыли, миссис Дороти, — еле слышно пролепетала Роза.

— Что? Мыли? — свекровь подлетела к ней, схватила за локоть и подтащила к пятну. — А это что? А? Я спрашиваю, что это? Откуда здесь столько грязи, если вы, как утверждаете, мыли?

Роза не отвечала, ее губы дрожали, на глазах заблестели слезы. Элизабет не выдержала:

— Миссис Фаулер, наверняка они тут мыли, ведь пыли-то почти нет.

— «Почти», — скривилась свекровь. — Да они явно целую неделю не заглядывали под комод!

— А зачем мыть под ним каждый день? Там же не видно.

Тонкие брови миссис Фаулер полезли на лоб.

— Дорогуша, у нас на Юге не принято жить как свиньи в хлеву. — Ее голос звенел от негодования. — Мы — люди высокой культуры, и ценим чистоту. Как внешнюю, так и внутреннюю. И если грязи «не видно», то это не значит, что ее нет. Какая же из тебя леди, если под шкафами у тебя пыль? Эта грязь — она не только на полу, она — на твоей совести!

Каждое слово карающим мечом обрушивалось на Элизабет. Наверное, от стыда ей следовало бы провалиться под землю, но ее разобрал смех. Сколько пафоса и драмы из-за такой ерунды! Теперь понятно, зачем миссис Фаулер так рано встает. Нужна уйма времени, чтобы заниматься такой бессмысленной чепухой.

Элизабет поджала губы и опустила глаза, чтобы не выдать приступ веселья. Вот только жалко бедных рабынь, вынужденных исполнять прихоти взбалмошной старухи.

Нужно как-то задобрить свекровь, чтобы она перестала на них орать! Элизабет изобразила на лице глубочайшее раскаяние и скорбным голосом произнесла:

— Простите, мэм, я очень глупа, и несу полный вздор. Как бы мне хотелось стать такой прекрасной хозяйкой, как вы! Но, боюсь, мне никогда этого не достичь!

Брови миссис Фаулер вернулись на место, а взгляд немного смягчился.

— Ну что ты, милочка, всему можно научиться. Было бы желание

— ...и превосходный учитель, — подхватила Элизабет, веселясь от того, как легко старуха купилась на лесть. — Вы не покажете мне цветник? Я мельком видела его вчера на прогулке, но так и не успела как следует рассмотреть.

— Хорошо, идем. — Свекровь милостиво кивнула и повернулась к застывшим в страхе рабыням. — А вы, негодницы, чтобы все вымыли к моему возвращению. Тут все должно сверкать! Загляну под каждый шкаф. Найду хоть пылинку — вам не поздоровится!

— Да, мэм, — пролепетали негритянки, за все время так и не поднявшие глаз.

Миссис Фаулер величаво выплыла из гостиной. Элизабет ничего не оставалось, как последовать за ней.

Когда они вышли из дома, к ним торопливо направился Билл Браун.

— Миссис Фаулер, — позвал он.

— Что случилось? — проворчала свекровь.

— Ну, это — Управляющий замялся, теребя в руках потертую шляпу. — Фанни того померла. Прикажете ее так закопать, или разрешите нигтерам ее похоронить?

Фанни? Женщина, истекающая кровью после выкидыша, которую Джеймс погнал на работу! Элизабет застыла в ошеломлении, а миссис Фаулер недоуменно наморщила лоб.

— Фанни? Кто это? — лениво обмахиваясь веером, спросила она. — Кто-то из прислуги?

— Нет, мэм, она работала на плантации.

— Так почему вы пристааете с этим ко мне? Спросите у моего сына. Полевые рабы — это его забота.

— Но мистер Фаулер уехал. — Браун поскреб всклокоченный затылок.

— Ну так дождитесь его! — Свекровь хотела было продолжить свой путь, но спохватилась: — Кстати, у меня для вас поручение.

— Слушаю, мэм. — Надзиратель подобострастно осклабился.

— Эти две дуры — Роза и Сара — плохо вымыли пол. Разберитесь с этим.

— Будет сделано, мэм, — отчеканил Браун.

Элизабет толком не поняла, чего именно хотела от него свекровь. Она была все еще оглушена страшной вестью. «Господи, бедная женщина! Ну почему я не настояла на том, чтобы к ней позвали врача?»

— Идем, милочка. — Миссис Фаулер взяла ее под руку и увлекла за собой.

Следующие часа полтора свекровь водила ее по саду, с гордостью показывая роскошные клумбы и покрикивая на негров-садовников, неосмотрительно попадавших ей на пути.

Цветник действительно поражал воображение. Чайные, белые и красные розы пестрели на фоне бархатной зеленой травы. Кусты желтого жасмина как расплавленное золото сверкали на солнце. Кремовые цветы виргинской магнолии красовались в оправе из глянцевиной листвы. В воздухе витал такой дурманящий аромат, что кружилась голова.

Прогуливаясь среди этого великолепия, Элизабет притворялась, что слушает хвастливую болтовню миссис Фаулер, но перед глазами стояла грязная лачуга и измученное черное лицо.

И вот в сладком нектаре стали чудиться нотки тлена. Красные розы показались пятнами крови, а гул выющихся вокруг шмелей и пчел до боли напомнил одуряющее жужжание мух.

Чувство бессильной вины жгло изнутри. Надо было настоять, чтобы к Фанни пригласили врача! Но теперь уже ничего не изменить.

Когда Элизабет и миссис Фаулер возвращались в дом, до ушей вдруг долетел женский вскрик.

Элизабет вздрогнула и повернулась к свекрови.

— Что это? — испугано спросила она.

Та и бровью не повела.

— Не обращай внимания, дорогуша. Эти идиотки не умеют держать себя в руках.

— Какие идиотки? Что вы имеете в виду?

Вскрик повторился, и Элизабет, охваченная тревогой, устремилась вперед.

— Стой! Куда ты? Не стоит принимать все так близко к сердцу! — летело ей в спину, но Элизабет припустила еще сильнее.

Возле дома ей открылась картина происходящего. На подъездной площадке стояли Роза, Сара и Билл Браун. У Розы были по локти засучены рукава, и она протягивала к управляющему руки ладонями вверх, а тот поигрывал перед ней кнутом.

— Что здесь происхо...

Кончик кнута просвистел в воздухе и ударил негритянку по рукам. Та дернулась, пронзительно взвизгнув.

— Что вы делаете! — возмущенно завопила Элизабет.

Браун повернулся к ней и оскалил кривые зубы.

— Выполняю приказ хозяйки, мэм, — ответил он.

— Что? — Элизабет оглянулась на приближающуюся свекровь. — Миссис Фаулер, неужели это вы приказали

— Конечно я, — царственно бросила та. — Эти лентяйки провинились, и нужно было их проучить.

Элизабет посмотрела на негрятенок. Роза беззвучно рыдала, все так же продолжая протягивать руки. Их расчерчивали кровавые полосы, и казалось, будто предплечья обмотаны красной тесьмой. Рядом своей очереди дожидалась Сара, и было видно, как ее трясет.

— Это жестоко! — возмутилась Элизабет. — Вы же и так велели им перемыть все полы. Разве этого недостаточно?

— Разумеется, нет. Они не выполнили свои обязанности. Мой христианский долг предписывает преподать им урок.

— Христианский долг?

— Конечно. — Свекровь вздернула острый подбородок. — Господь вверил нам этих неразумных созданий для того, чтобы мы просвещали и наставляли их. Мы несем им свет, а они взамен должны нам служить.

«Боже, избавь меня от этого бреда!» — подумала Элизабет, а вслух возразила: — Но ведь жили же они как-то в Африке и без ваших наставлений.

— Жили? В дикости, грязи и безбожии! — с пафосом отчеканила миссис Фаулер и, повернувшись к Брауну, велела: — Продолжай!

— Не надо! Хватит! Посмотрите, что вы сделали с ее руками! — Элизабет указала на предплечья Розы, блестящие от струящейся по ним крови. — Она не сможет работать!

— Сможет, мэм, — заверил ее Браун. — На черномазых все заживает, как на собаках.

— Я уже слышала эту чушь от моего мужа! Вы угробили Фанни. Хотите и их покалечить?

— Элизабет! — свекровь схватила ее за руку. — Не лезь не в свое дело! Продолжайте, мистер Браун!

Тот повернулся к Розе.

— Что стоишь, дура? Ты уже получила свое. Или хочешь добавки?

— Нет, сэр, — пролепетала рабыня.

— Тогда пошла отсюда! — Он угрожающе взмахнул кнутом, и негритянка стремглав кинулась прочь. Браун взглянул на Сару. — Твоя очередь.

Та, кусая губы, принялась закатывать рукава.

— Прекратите это! — в отчаянии выпалила Элизабет. — Смотрите, она же напугана до полусмерти! Я уверена, она все поняла и раскаялась. Правда же, Сара? Скажи!

Сара подняла взор всего лишь на миг, но Элизабет успела заметить, как много боли и страха плещется в этих черных глазах.

— Скажи, — ласково повторила она, — ты ведь все поняла и отныне будешь тщательнее мыть полы?

Негритянка разлепила полные губы и произнесла спокойным, на удивление мелодичным голосом:

— Не надо, мисс. Вы сделаете только хуже. Я виновата и должна понести наказание.

— Вот видишь, дорогуша? — Свекровь самодовольно усмехнулась. — Даже такое невежественное создание понимает, что мы поступаем по справедливости.

— Отойдите, мэм, чтобы я ненароком вас не задел, — пробасил Браун, поигрывая кнутом.

Элизабет развернулась и, глотая слезы, побрела в дом. А когда тишину прорезал свист кнута и отчаянный женский вопль, она закрыла уши руками. И при каждом новом вскрике сжимала голову так сильно, будто хотела ее раздавить.

Остаток дня она провела в своей комнате. Спускаться к обеду и сидеть за одним столом с мерзкой старухой было не вмоготу, и она соврала, что от жары у нее разболелась голова.

Часам к трем Элизабет жутко проголодалась. Она попросила Анну пробраться на кухню и достать там чего-нибудь перекусить.

К ее удивлению служанка вернулась с огромным подносом, обильно заваленным всякой снедью. Сэндвичи с индейкой, холодной говядиной и ветчиной, сыр, жареная кукуруза и в довершение этому — кувшин лимонада и огромный кусок персикового пирога.

— Ты что, ограбила кухню и оставила миссис Фаулер без обеда? — поинтересовалась Элизабет. Она указала на поднос. — Угощайся, в меня одну все не влезет.

— Спасибо, мэм. — Анна взяла кусок хлеба и сыр. — Это все кухарка. Она как узнала, что это именно для вас, так навалила мне целую гору еды.

— Странно С чего бы это?

— Так ведь она видала из окна, как вы заступались за тех бедных девчонок. А вчера кто-то из негров слышал, как вы просили за ту негритянку, что померла Слухи среди челяди разлетаются быстро.

Элизабет застыла, не донеся сэндвич до рта.

— Так я же ничего не добилась, — пробормотала она.

Анна пожала плечами.

— И что с того? Похоже, вы первая, кто отнесся к этим бедолагам по-человечески.

Элизабет отхлебнула холодного лимонада. В носу защекотало от подкативших слез. Как бы ей хотелось помочь этим людям! Но что она может сделать? Ни Джеймс, ни его мамаша даже слушать ничего не хотят.

За окном уже начинало смеркаться, когда неожиданно распахнулась дверь, и на пороге показался Джеймс. Элизабет вздрогнула и уставилась на него.

— В чем дело? — без обиняков начал он. — Почему ты не спускаешься к ужину?

— Я не очень хорошо себя чувствую — пробормотала она.

— Вздор! Ты выглядишь совершенно здоровой. — Его взгляд упал на поднос с остатками еды. — Для больной у тебя подозрительно хороший аппетит.

Элизабет уныло переглянулась с Анной. Она как раз собиралась доесть эти сэндвичи, но теперь придется тащиться вниз и сидеть с этой семейкой за одним столом.

Джеймс приблизился, и Элизабет почуяла запах спиртного у него изо рта. Она невольно вжалась в кресло, но он схватил ее за руку и заставил встать. В голове промелькнуло воспоминание о непотребстве, к которому он ее вчера принуждал, и к горлу подкатила тошнота.

— Не трогай меня! — со злостью выпалила она.

— Живо спускайся в столовую! Ты не будешь, как крыса, есть в своей норе!

Внизу уже накрыли стол. В начищенных канделябрах горели свечи, и в их желтом мерцании поблескивало столовое серебро. Когда подали ужин, Джеймс начал вновь разглагольствовать о политике.

— Мы должны отделиться от Севера! — заявил он, дергаными движениями ножа разрезая стейк. — Какого дьявола эти вшивые янки указывают нам что делать? Пусть они в своих вонючих нью-йорках творят что хотят, а это наша земля. Мы здесь хозяева! Мы!

Он бахнул кулаком по столу с такой силой, что зазвенела посуда. Миссис Фаулер с напускным сочувствием покачала головой.

Элизабет сделала вид, что ее это не касается. Женщине не пристало интересоваться политикой. Но все-таки она тревожилась из-за того, что в стране назревает раскол. Если Юг решит отделиться, разве Север просто так позволит ему уйти?

— Что случилось, дорогой? — медовым голосом поинтересовалась миссис Фаулер. — Почему ты так взволнован?

— Эти грязные политиканы опять взвинтили тарифы на импорт! — с возмущением сказал Джеймс. — Теперь все подорожает, а янки снова набьют карманы за наш счет. Скажи, ма, почему мы должны кормить этих торгашей?

— Ох! — Свекровь сокрушенно покачала головой. — Надеюсь, Господь покарает этих мерзавцев!

Элизабет не поднимала глаз от своей тарелки, но всем нутром ощущала испепеляющие взгляды, которые Джеймс и его мамаша бросали на нее. Она будто олицетворяла для них ненавистных янки, и ей казалось, что стоит пошевелиться или что-то сказать, как они вцепятся ей в глотку, словно свора бешеных псов. Поэтому она молча ковыряла вилкой гарнир.

Роза и Сара прислуживали за столом, и когда они подходили, чтобы подлить вина или сменить тарелку, Элизабет невольно косилась на их скрытые под рукавами запястья. Она заметила, что у Розы из-под белоснежного манжета выглядывает кусочек бинта.

«Бедняжки, наверное, им очень больно», — подумала Элизабет, и у нее окончательно пропал аппетит.

Когда ужин закончился, она хотела сразу подняться наверх, но, взглянув на хмурого мужа, передумала. Ладно, для приличия она побудет с ними еще какое-то время, а потом уличит подходящий момент и уйдет.

Они вышли на террасу и уселись в кресла-качалки. В жаровнях трещал огонь, а Майк без устали работал опахалом, отгоняя комаров.

— За ужином ты не проронила ни слова, дорогая. — Элизабет вздрогнула, услышав голос мужа. — Тебе неудобно в нашем обществе?

Она повернулась к Джеймсу. Тот с легкой усмешкой смотрел на нее, поигрывая бокалом бренди в руке.

«Буду играть по их правилам», — решила Элизабет и с самой сладкой улыбкой ответила:

— Ну что ты, дорогой, я наслаждаюсь вашим обществом. Просто ты говорил о политике, а я ничего не смыслю в подобных вещах, и боялась сморозить какую-нибудь чепуху.

— Не притворяйся душой, — глумливо бросил Джеймс. — Будь ты южанкой, я, может, и поверил бы. Но у женщин-янки всегда есть собственное мнение на любой счет. Скажи нам, что ты обо всем этом думаешь?

— С каких пор тебя стало интересовать мое мнение? — фыркнула Элизабет.

— Мне просто любопытно, как другая сторона смотрит на этот вопрос.

— Под «другой стороной» ты подразумеваешь северян?

Джеймс кивнул, и Элизабет, промочив горло вином, сказала:

— Если Юг вздумает отделиться от Севера, боюсь, начнется гражданская война.

— Война? — Джеймс пригубил бренди. — Громко сказано, дорогая. Даже если янки и сунутся к нам, мы разобьем их в два счета. Все закончится, не успев начаться.

— Почему ты так в этом уверен?

— Один джентльмен в бою стоит дюжины янки, — самодовольно пояснил муж. — Кроме того, Англия и Франция позарез нуждаются в хлопке. Они выступят на нашей стороне.

— В Европе не приветствуют рабство, так что я бы не особо рассчитывала на их поддержку, — возразила Элизабет.

— Много ты понимаешь, — неодобрительно буркнула свекровь.

— Куда они денутся? — бросил Джеймс. — Хлопок — король. С ним мы поставим на колени весь мир.

Элизабет хмыкнула. Вот уж действительно, гордыня южан не знает границ.

— Но уверен, никакой войны не будет, — добавил Джеймс. — Янки прогнутся. Они ведь тоже получают немалую прибыль от экспорта наших товаров. Честь для них — пустой звук, а вот ради выгоды эти стяжатели и торгаши пойдут на все.

— сказал человек, который женился на янки, чтобы заграбастать фабрики ее отца, — не удержалась Элизабет.

Джеймс неожиданно для нее расхохотался, а свекровь закудаhtала, словно курица, снесшая яйцо:

— Да как ты смеешь! Мы — почтенные, уважаемые люди! Да ты нам ноги должна целовать за то, что мы пустили тебя в нашу семью. А ты ведешь себя таким неподобающим образом!

Элизабет не успела ответить, как из темноты, со стороны негритянского поселка донеслась песня. Хор мужских и женских голосов торжественно и тягуче выводил:

Ступай, Моисей, В землю Египетскую. Вели фараону Отпустить мой народ!

— Что это? — встрепелась она.

Джеймс вскинул голову и прислушался.

— А, не обращай внимания. — Он небрежно махнул рукой. — Ниггеры.

— Ниггеры? — скривилась миссис Фаулер. — У них что, какой-то праздник?

— Похороны, — пояснил Джеймс. — Я разрешил им похоронить Фанни.

— Негры поют на похоронах? — удивилась Элизабет.

— Поют, и даже танцуют, — отхлебнув бренди, подтвердил Джеймс. — Что поделать, у черномазых неразвитый мозг, и они не способны на такие глубокие чувства, как скорбь.

Элизабет скептически хмыкнула, а миссис Фаулер капризно заявила:

— Зря ты им это позволил, сынок. Теперь они будут всю ночь завывать, и я не смогу заснуть.

Джеймс пожал плечами.

— Чем больше ниггеры поют, тем меньше они думают, — сказал он и, откинувшись на спинку кресла, задымил сигарой.

Покачиваясь в качалке, Элизабет прислушивалась к песне, льющейся в ночной тиши. Хор то смолкал, позволяя женскому голосу — низкому и певучему — в одиночку выводить слова, то подхватывал его, усиливая и вознося до небес.

Пусть это были и похороны, но песня не звучала уныло. Да, в ней сквозила грусть и тоска, но вместе с тем — надежда, и даже какой-то задор.

Элизабет встала и подошла к балюстраде. Она облокотилась на парапет и посмотрела на звезды, подставив лицо приятному ветерку. Негры продолжали петь, и эта песня — пронзительная и волнующая — будоражила до глубины души.

— А ты, я посмотрю, дерзкая штучка! — раздалось у нее за спиной.

Элизабет вздрогнула от неожиданности. Оглянувшись, она увидела мужа.

— Испугалась? — спросил он.

— Нет, — буркнула она. — Просто не заметила, как ты подкрался.

Джеймс прижался к ней сзади. Со стороны могло показаться, будто любящий супруг обнимает жену, но его пальцы так цепко стиснули ее плечи, что стало больно.

— Пусти меня! — прошипела она, пытаясь освободиться, но Джеймс еще крепче прижал ее к себе.

Приблизив губы к ее уху, он шепнул:

— Больше не смей мне дерзить в присутствии матери или кого бы то ни было еще.

— Но ты сам завел этот разговор. Я что, должна была выслушивать, как ты оскорбляешь северян?

— Ты — моя жена, и на людях не должна мне перечить. Свои претензии можешь высказать наедине.

— У меня нет ни малейшего желания оставаться с тобой наедине.

— Я разделяю твои чувства, дорогая жена, но твой долг — рожать мне детей. Так что придется нам с тобой друг друга терпеть.

— Вчера ты выбрал несколько странный способ зачать ребенка, — съязвила Элизабет.

Будь она трезвой, у нее никогда бы не повернулся язык на столь чудовищную вульгарность. Но выпитое вино и злость на Джеймса сделали свое дело. Когда эти слова слетели с губ, она невольно сжалась, ожидая, что муж окончательно взбеленится. Но к ее удивлению, он лишь теснее прижался к ней и вдохнул запах ее волос.

— Я просто хотел, чтобы моя жена доставила мне удовольствие, — промурлыкал он.

Элизабет не сразу нашлась, что ответить. Ни в одной книге не описывали подробностей того, что именно входит в супружеский долг. Хотя, кое-где проскальзывали намеки, что в браке будут вещи, которые женщина должна перетерпеть, чтобы угодить мужчине. Но то, чего хотел от нее Джеймс Это чудовищно!

— За подобными «удовольствиями» обращайся не ко мне, — холодно процедила она.

— Спасибо за мудрый совет, дорогая супруга, — с издевкой промолвил Джеймс. — Я обязательно не премину им воспользоваться.

— Вот и прекрасно, — сказала Элизабет. — А теперь, если не возражаешь, я тебя покину. Очень хочется спать.

Она повела плечами, пытаясь сбросить с них руки мужа, но Джеймс отпустил ее не сразу, а чуть погодя. Явственно давая понять, что именно он решает, когда ей можно уйти.

— Спокойной ночи, дорогая жена, — бросил он ей в спину.

— Спокойной ночи.

Глава 7

Элизабет ворочалась с боку на бок в тревожном ожидании, что откроется дверь, и в спальне появится муж. Застывший, липкий словно патока воздух окутывал тело, и она то откидывала измятую, влажную от пота простыню, то вновь натягивала ее на себя.

Досадно, что на двери нет засова, и нельзя запереться изнутри. Есть, правда, замочная скважина, а значит, должен быть ключ. Надо бы как-то невзначай спросить о нем у свекрови. Так, по крайней мере, Джеймс не войдет к ней, пока она спит.

Промаявшись несколько часов, Элизабет задремала. Проснувшись она ранним утром — разбитая, и с тяжелой, как пушечное ядро, головой. Радовало одно: Джеймс не пришел. Может, он решил оставить ее в покое?

Элизабет зевнула и потянулась. Вот бы еще часок-другой понежиться в постели! Но увы, надо вставать и спускаться к завтраку, чтобы не злить муженька и свекровь.

— Что за дурацкая привычка — подниматься в такую рань? — проворчала она, с неохотой выбираясь из-под простыни.

За столом Джеймс и его мамаша болтали о всякой ерунде, а Элизабет молча поглощала еду. После завтрака семейство перешло в гостиную, чтобы выпить по чашечке кофе. Но едва они расселись по креслам, как с улицы донесся скрип колес и топот копыт.

— Кого там принесло? — поинтересовалась свекровь.

Джеймс пожал плечами.

— Скоро узнаем.

Через пару минут распахнулась дверь, и в комнату ворвался взбудораженный Цезарь.

— Масса Джеймс! Масса Джеймс! — бешено вращая глазами, завопил он.

— Что еще стряслось? — буркнул тот.

— Поймали ваших ниггеров, масса Джеймс!

Муж поднялся с дивана и вместе с Цезарем вышел за дверь. Элизабет переглянулась со свекровью, и они, не сговариваясь, подхватили юбки и выбежали на крыльцо.

На подъездной площадке стояла запряженная мулом телега, а у коновязи скребла копытами пара оседланных лошадей. Рядом топтался Билл Браун и два бородатых незнакомца в потрепанной одежде. Один из них держал на привязи вислоухую гончую и двух овчарок — здоровенных, лохматых, напоминающих скорее волков, чем собак.

На козлах телеги восседал белобрысый юнец, а в кузове, возле накрытого мешковиной груза, сидел, понурившись, негр. На его руках виднелись ржавые кандалы, прикованные цепью к борту.

Элизабет вспомнила, как пару дней назад муж упоминал о сбежавших рабах. Выходит, это один из них?

Джеймс спустился с крыльца и вразвалочку подошел к телеге.

— Ну-ка, что тут у нас?

Один из незнакомцев, косматый и чернобородый, сплюнул себе под ноги табачную жвачку.

— Сцапали их на болоте, мистер Фаулер, — сообщил он. — Собаки взяли след. Одного ниггера, правда, загрызли. Но вы же писали в объявлении: «доставить живым или мертвым», так что не обессудьте. А второй, пока собачки жрали его дружка, успел залезть на дерево, и мы схватили его живым.

Он подошел к телеге и откинул мешковину. Вначале Элизабет показалось, что под ней навалено пестрое тряпье, но в следующий момент она с ужасом поняла, что эти красные, розовые и коричневые лоскуты не что иное, как истерзанное, практически разорванное на куски человеческое тело. От лица почти ничего не осталось. Окровавленный череп жутко скалился двумя рядами белых зубов, а в небо таращился чудом уцелевший, вылезший из орбиты глаз.

— О, боже! — Волна ледяного озноба прокатилась вдоль позвоночника, и Элизабет застыла с открытым ртом, от потрясения забыв, как дышать.

— Отличная работа, Пирсон, — кивнул Джеймс. — Прикрой это. Дамы смотрят.

— О, прошу прощения! — Негролов торопливо вернул покрывало на место.

Джеймс взглянул на беглеца, за все это время так и не поднявшего головы.

— Ну что ж, здравствуй, Квимбо, — нарочито приветливо сказал муж.

— Здравствуйте, масса Джеймс, — глухо пробормотал раб.

— Скажи-ка, почему ты решил от меня убежать?

Негр молчал.

— Я что, плохо с тобой обращался? — вкрадчиво продолжил Джеймс.

Беглец не проронил ни слова, лишь еще сильнее понурился. Билл Браун замахнулся на него кнутом.

— Отвечай, когда спрашивает хозяин! — рявкнул он.

— Нет, — еле слышно вымолвил негр.

— Что «нет»? — передразнил управляющий.

— Масса Джеймс хорошо со мной обращался, — выдавил Квимбо.

— Тогда какого дьявола ты решил от него сбежать, паскуда ты черномазая?

Кнут свистнул в воздухе и обрушился негру на плечи. Тот сжался в комок, прикрывая скованными руками голову. Браун вновь размахнулся, но Джеймс поднял ладонь, приказывая остановиться.

— Хватит. Запри его в ящике, потом решу, как его наказать. — Он повернулся к охотникам за рабами. — А вы, джентльмены, пройдемте в мой кабинет. Вас ждет по стаканчику виски и честно заработанная награда.

Он развернулся и направился к дому. Негролов, держащий собак, сунул их поводки белобрисому юнцу, и вместе со своим приятелем последовал за Джеймсом.

— Мистер Фаулер, а с этим что делать? — Билл Браун кивнул на прикрытый мешковиной труп.

Джеймс даже не оглянулся.

— Закопай где-нибудь или свиньям скорми. Мне плевать.

Элизабет была в таком ступоре, что даже не шелохнулась, когда негроловы, сняв шляпы, поздоровались с ней. Она так и стояла, схватившись рукой за грудь, не в силах оторвать взгляд от телеги, где лежали ошметки человеческого тела.

Когда муж и охотники за рабами скрылись в доме, Браун кликнул пару негров из кучки жмущихся на крыльце слуг и велел им стащить труп с повозки.

Белобрисый протянул Брауну ключ, и тот отпер кандалы беглеца.

— Слезай, чертово отродье! — приказал управляющий. — И смотри мне, без глупостей!

Пленник, звеня цепями, тяжело поднялся на ноги и спрыгнул на землю. Он был высоким, жилистым, немного сутулым. Жалкие лохмотья едва прикрывали черное тело, а лицо обросло густой курчавой бородой.

Едва он ступил на гравий, как управляющий с такой силой врезал ему по физиономии, что негр не устоял и свалился на спину.

— Животное! — Браун пнул его ногой. — Вставай, черножопая обезьяна! Пошел!

Квимбо с трудом поднялся, и Браун погнал его куда-то в сторону полей, щедро осыпая ругательствами и ударами кнута.

Лишь когда они скрылись из виду, а негры унесли замотанное в дерюгу тело, Элизабет вновь обрела способность соображать. Она взглянула на стоящую рядом свекровь. Та смотрела вслед рабам, и ее бескровное лицо, покрытое паутиной морщин, не выражало ни малейших эмоций. Вот это хладнокровие! Или просто ей к подобным зрелищам не привыкать.

Но что будет с Квимбо? Куда его повели? Какое наказание эти изверги придумают для него? Если за плохо вымытый пол рабыням рассекли до крови руки, то что же грозит за побег?

Нужно поговорить с Джеймсом! Если есть хоть какой-то шанс облегчить участь беглеца, то надо его использовать, иначе она себе этого не простит.

Элизабет решительно направилась в дом, и едва не столкнулась в дверях с негроловами, которые на ходу пересчитывали купюры. Не обращая внимания на их удивленные взгляды, она вихрем промчалась по вестибюлю и ворвалась в кабинет.

Муж сидел за письменным столом, просматривая какие-то бумаги. Он поднял голову и в своей привычно насмешливой манере спросил:

— Что случилось, дорогая? Пожар?

— Что ты собираешься делать с Квимбо? — без лишних предисловий осведомилась она. Джеймс облокотился на столешницу и подпер щеку кулаком.

— Интересно, с чего это тебя так беспокоят судьбы черномазых? Ты у нас любительница ниггеров, как я погляжу.

Он смерил ее с головы до ног таким сальным взглядом, что Элизабет показалось, будто она вновь стоит перед ним голая, как в первую брачную ночь. Она передернула плечами, стряхивая липкое наваждение, и сказала:

— Я беспокоюсь о благосостоянии нашей семьи. Эти варвары, которых ты нанял, уже погубили одного из твоих рабов. Я прошу тебя проявить благоразумие в отношении второго. Он еще молод и может долго работать, поэтому было бы экономически целесообразно...

Джеймс откинулся на спинку стула и издевательски захлопал в ладоши.

— Bravo, миссис Фаулер! Какая речь! Да ты у нас просто образец практичного янки. Боюсь, правда, ты не учла одного нюанса...

— Какого?

— Ниггер-смутьян это паршивая овца, которая портит все стадо. Если побег сойдет ему с рук, то остальные последуют его примеру. И тогда мои убытки возрастут во стократ.

Элизабет судорожно сглотнула.

— И что же ты намереваешься с ним сделать? — спросила она.

— Я еще не решил. — Джеймс прищурился, и по его губам скользнула змеиная улыбка. — А что бы ты предложила?

— Я? — Элизабет округлила глаза.

— Ну да. Удиви меня. Прояви свою практичность.

— Ну... — Она облизала пересохшие губы. — Запри его где-нибудь... Посади на хлеб и воду на пару недель. Думаю, этого хватит, чтобы он усвоил урок. Особенно с учетом того, что ему уже пришлось пережить...

Пару секунд Джеймс молча пялился на нее, а потом вдруг запрокинул голову и громко расхохотался.

— Господи, какая наивность! — отсмеявшись, сказал он. — Да после такого наказания все мои ниггеры только и будут делать, что сбегать, чтобы потом две недели жрать задарма и не работать. О, нет, дорогая, тебе нельзя управлять плантацией. Ты разоришься в два счета... Запомни, черномазых нужно держать вот здесь. — Он вскинул сжатый кулак.

— И что теперь с ним будет? — не сдавалась Элизабет.

— Я же сказал, что еще не решил.

— А какие есть варианты?

— О, их великое множество, — протянул Джеймс. — Можно его вздернуть... но нет, это слишком просто. Сжечь на костре? Сварить в кипятке? Засечь до смерти? Затравить собаками? Выбирай, что тебе по душе.

Он перечислял способы казни так буднично, словно предлагал Элизабет выбрать обои для спальни или блюдо для воскресного меню.

— Ты сошел с ума? — в ужасе воскликнула она. — Это чудовищно! Ты не посмеешь!

— И почему же? — Джеймс с любопытством склонил голову набок.

— Это противозаконно! Тебя посадят в тюрьму!

— Ты плохо знаешь законы, дорогая. Раб — моя собственность, вроде мула или собаки. Я могу пристрелить собаку, и мне за это ничего не будет. Этот ниггер пытался сбежать. Получается, это он нарушил закон, а я, как порядочный джентльмен, обязан его покарать. Разве ты, как добрая христианка, не согласна с тем, что зло должно быть наказано?

— Зло — это ваш вонючий, прогнивший, лицемерный Юг! — вскипев от ярости, выпалила Элизабет. — Я тебя ненавижу! Провались ты пропадом со своей плантацией!

— О, как ты прекрасна, когда злишься! — Джеймс усмехнулся, и его взгляд похотливо блеснул. — Глаза горят, щеки пылают — ни дать, ни взять разгневанная валькирия.

Он поднялся из-за стола и мигом преодолел разделяющее их расстояние. Прежде чем Элизабет успела увернуться, он крепко стиснул ее запястье.

— Пусти меня!

Она рванулась, но Джеймс вывернул ей руку и потащил в угол, где стоял красный диван. Элизабет отчаянно упиралась, но муж оказался сильнее. Он швырнул ее спиной на кожаное сиденье и навалился сверху.

— Такой ты мне нравишься куда больше, сучка, чем тадохлая рыба, которой ты притворяешься в спальне, — прошипел он ей на ухо, задирая юбки.

— Не смей! Не трогай меня! — Элизабет беспомощно барахталась, распластанная под тяжелым мужским телом. — Я буду кричать!

— Кричи!

Джеймс закинул юбки ей на голову, и его рука скользнула в разрез между штанинами панталон.

— Кричи!

Пальцы грубо вторглись в промежность, царапая ногтями нежную плоть.

— Кричи, сучка! Я хочу, чтобы ты кричала, как ниггер, которого секут до кости!

Элизабет задыхалась под ворохом юбок, наброшенных ей на лицо. Она ощутила, как Джеймс хватает ее за ноги и разводит их в стороны. Попыталась вывернуться, выскользнуть из-под него, но корсет туго впивался в ребра, стесняя движения, а юбки опутывали тело как рыбацкая сеть.

Джеймс вошел в нее и стал резко двигаться, вбивая ее в диван. Было так больно, словно он вгонял в нее деревянный кол. Сердце выпрыгивало из груди, по щекам текли слезы. Нет, она не будет кричать! Она не доставит этому подонку такого удовольствия... И за все то время, что муж насиловал ее, ни звука не слетело с ее до крови закусенных губ.

Наконец Джеймс застонал и обмяк, а затем слез с нее, позволив полноценно вдохнуть. Пока Элизабет оправляла юбки и приглаживала растрепанные волосы, муж плеснул себе бренди и снова уселся за стол.

— Знаешь, ты, пожалуй, права, — как ни в чем не бывало, заметил он.

Элизабет подняла на него заплаканные глаза.

— В чем? — глухо спросила она.

Джеймс отсалютовал ей бокалом и, пригубив бренди, продолжил:

— Отдохлого ниггера мало толку. Квимбо — хороший плотник, и вряд ли я быстро найду ему замену.

— Надо же! В тебе заговорил голос разума?

— Я спустил пар и немного успокоился, — невозмутимо пояснил муж. — Конечно, я его проучу так, чтобы другим неповадно было. Но если он выдержит наказание, то пускай еще поживет.

— Ты очень великодушен, — с горькой усмешкой бросила Элизабет. — А теперь, если позволишь, я пойду.

— Иди, дорогая. — Джеймс кивнул и поднес бокал ко рту.

Глава 8

Прошло несколько дней. Жизнь текла своим чередом, и Элизабет понемногу привыкала к роли жены. Благо, муженек не особо рвался делить с ней супружескую постель. Он как-то заявился к ней в спальню, но у Элизабет как раз начались женские недомогания, о чем она, едва скрывая радость в голосе, не преминула ему сообщить.

Джеймс брезгливо скривился и покосился на ее губы, явно прикидывая, не попытаться ли получить удовольствие извращенным путем. Но видимо решил, что игра не стоит свеч, и ушел.

Как-то раз после обеда семейство собралось в гостиной. Дома Элизабет любила играть на рояле, и сейчас, истосковавшись по музыке, села за фортепьяно. Пальцы привычно забегали по клавишам, наигрывая «Лунную сонату». Некоторые аккорды резали слух. Видимо пианино давно не настраивали, и оно здесь стоит, скорее, для красоты.

Снаружи донеслось гроыхание повозки и топот копыт. Элизабет перестала играть и прислушалась. Джеймс оторвался от газеты, а свекровь — от шитья.

— Кого там принесла нелегкая? — буркнул муж.

Через минуту в гостиную вошел Цезарь.

— Масса Джеймс, прибыл масса Мерфи, — с поклоном доложил он. — Говорит, у него для вас есть товар.

— И на кой черт мне сдались новые ниггеры? Своих девать некуда, — проворчал Джеймс. — Впрочем, ладно, погляжу, кого он там приволок.

Отложив газету, он встал с дивана и направился к двери. Элизабет и свекровь, снедаемые любопытством, поспешили за ним.

На подъездной площадке стоял запряженный парой мулов решетчатый фургон. В нем, набитые как сельди в бочку, сидели негритянки. Рядом маячили двое охранников на лошадях, а позади фургона выстроилась вереница негров, скованных между собой.

На козлах сидел пузатый коротышка в зеленом сюртуке. Завидев Джеймса, он спрыгнул на землю и приподнял несуразно высокий для его роста цилиндр.

— Доброго денечка, мистер Фаулер. — Обросшее рыжими бакенбардами лицо расплылось в широкой улыбке.

— Добрый день, мистер Мерфи. — Джеймс пожал ему руку. — Какими судьбами в наших краях?

— Да вот, везу новый товар. Не желаете ли взглянуть?

— Признаться, у меня и так полно ниггеров, но из уважения к вам гляну одним глазком. — Джеймс подошел к фургону и уставился на пленниц. — Девки красивые есть?

— Увы, на этот раз ничего достойного вашего внимания, — вздохнул коротышка. — Но имеется кое-что получше.

— И что же это? — недоверчиво усмехнулся Джеймс.

— Одна птичка мне напела, что вы интересовались неким ниггером ныне покойного Чарльза Бэйли.

— Неужто миссис Бэйли все-таки решила продать рабов?

— Что поделать? Достопочтенный мистер Бэйли, как многие джентльмены, не знал счета деньгам. Когда он отдал богу душу, оказалось, что у него сплошные долги. Теперь все имение пойдет с молотка. Вдова дала мне нескольких особо ценных рабов, чтобы я отвел их в Саванну, на аукцион. А я краем уха слышал, будто бы вы изъявляли желание купить у него ниггера по имени Самсон. Если вы все еще заинтересованы — он здесь.

Мерфи направился к веренице рабов. Элизабет с любопытством взглянула на них, и в глаза ей сразу бросился молодой негр. Высокий рост, прямая спина и добротная, хоть и запы-

лившаяся одежда выделяли его из общей массы невольников — понурых, сторбленных, облаченных в лохмотья из мешковины.

«Наверное, это он», — решила Элизабет и оказалась права. Работорговец остановился напротив него и приказал:

— Эй, животное, шаг вперед!

Негр с высоты своего роста смерил коротышку уничижающим взглядом и выдвинулся из шеренги, насколько позволяла цепь. Джеймс подошел к нему с таким преувеличенно-скучающим видом, что Элизабет догадалась: муж крайне заинтересован в этом рабе.

— Ну что ж, здравствуй, Самсон, — с издевкой в голосе произнес он.

— Здравствуйте, мистер Фаулер, — ответил негр, глядя ему прямо в глаза.

Элизабет не сразу поняла, что именно показалось ей странным. Лишь через пару секунд до нее дошло, что Самсон, в отличие от остальных рабов, которых ей доводилось видеть, при разговоре с белым не опустил взгляд.

Она заметила, как у Джеймса дернулась щека. Подобная дерзость пришлась ему явно не по нутру. Он повернулся к работорговцу.

— Не то, что бы мне были нужны новые рабы... — с деланным безразличием протянул он. — Но чисто из любопытства: сколько вы просите за этого наглеца?

— Самсон — весьма ценный раб, — заявил Мерфи. — Вы же сами видите — он молод и силен... Ну-ка, ниггер, раздевайся!

Тот не шелохнулся, глядя на коротышку сверху вниз.

— Ты оглох, черномазый? — Работорговец потянулся к висящему на поясе кнуту.

Негр едва заметно прищурился и стиснул зубы. Он сбросил жилет, опустил подтяжки и принялся неторопливо расстегивать пуговицы рубахи. Это происходило так издевательски медленно, что в конце концов работорговец не выдержал. Он подскочил к рабу и сорвал с него рубаху, обнажая мускулистый торс.

В глаза бросился висящий на груди талисман — изогнутый клык какого-то хищника на кожаном ремешке.

— Полюбуйтесь, мистер Фаулер, он силен, как бык. — Мясистые пальцы Мерфи вцепились Самсону в плечо. — Посмотрите, какие бицепсы! Потрогайте.

Джеймс с нарочитым безразличием подошел поближе.

— Открой рот, черномазый! — приказал работорговец, и когда Самсон нехотя подчинился, стиснул его щеки с боков: — Смотрите, все зубы на месте.

Затем он оттянул пальцами верхние и нижние веки, демонстрируя белки глаз.

— Тут тоже все в порядке. Ну-ка, подпрыгни на одной ноге!

Негр подпрыгнул, насколько позволяла цепь, сковывающая его с остальными.

— Вот видите, мистер Фаулер? Молодой, здоровый и сильный раб. Кроме того, как вы сами знаете, он — лучший объездчик лошадей во всей округе. Очень выгодная покупка. Берите, не пожалеете. Таких нигтеров — один на миллион. Я предлагаю только самый качественный товар.

Мерфи чуть не выпрыгивал из штанов, набивая цену, но Джеймс с напускным раздражением отмахнулся.

— Покупать черномазых с плантации Бэйли — все равно, что швырять деньги на ветер, — пренебрежительно бросил он. — Бьюсь об заклад, этот любитель нигтеров так их избаловал, что они уже ни на что не годны. На кой черт мне сдалась эта ленивая обезьяна?

— Вы же меня знаете, мистер Фаулер, — затараторил коротышка, теребя свои бакенбарды. — Да разве я бы предложил вам нигтера, с которым бы вы не управились? Держу пари, вы укротите любого зверя.

Джеймс только хмыкнул на эти слова. Он вальяжно расхаживал перед Самсоном, заложив руки за спину, и Элизабет каким-то чутьем понимала, что муж заинтересован в покупке гораздо больше, чем пытается показать.

Странно, почему он так хочет купить именно этого раба? Взгляд невольно скользнул по статной фигуре. Широкие плечи, сильные руки, развитые грудные мышцы темной бронзой отливали на солнце, и Элизабет вдруг ощутила, как по жилам, словно после бокала вина, растекается густое тепло. Она поняла, что краснеет, и стыдливо отвела глаза.

— Так сколько же вы хотите за этого нигтера? — равнодушно поинтересовался Джеймс.

Румяная физиономия работорговца расцвела в довольной ухмылке.

— Только для вас, сэр! За это великолепное животное я прошу смехотворную цену... Три тысячи долларов.

Джеймс замер с открытым ртом, но через секунду делано рассмеялся.

— Вы, должно быть, шутите, мистер Мерфи. За такие деньги я могу купить трех первоклассных рабов. На черта мне этот избалованный ниггер, с которым еще придется повозиться, чтобы из него вышел прок?

— Вы же сами видите, что этот ниггер стоит десятирех, — невозмутимо парировал коротышка. Он повернулся к Самсону и приказал: — Снимай штаны!

Элизабет обомлела. Неужто они разденут его догола? Понятно, что человеческое достоинство раба для них пустой звук, но ведь приличия никто не отменял.

Она растерянно посмотрела на свекровь. Неужели та не вмешается? Но миссис Фаулер, облокотившись на парапет, с таким жадным интересом тарасилась на Самсона, что Элизабет с удивлением поняла: а старуха-то не прочь поглазеть на то, что скрывается у него в штанах.

Неожиданно на помощь пришел Джеймс. Он озадаченно посмотрел на мать и сказал:

— Не стоит. Здесь дамы.

Миссис Фаулер поспешно выпрямилась и чопорно поджала губы. Элизабет прикрылась веером, чтобы спрятать смешок. Какая досада! Сынуля испортил маменьке удовольствие.

Работорговец подошел к Самсону, отрешенно смотревшему вдаль, и оттянул пояс его штанов.

— И все же, взгляните, сэр, какая оглобля! Он не кастрирован, а значит, вы сможете спаривать его со своими девками. От такого производителя получится отличный приплод. Даже за сосунка дадут долларов двести. Вы просто озолотитесь!

Элизабет изумленно распахнула глаза. С ума сойти! Он говорит так, словно речь идет о породистых лошадях. И эти варвары называют себя цивилизованными людьми!

— У меня и так есть кому покрывать моих кобыл, — отмахнулся Джеймс.

Тем не менее, он подошел к Самсону и сунул руку ему в штаны. Тот безучастно глядел в небо, видимо смирившись с происходящим. Джеймс кивнул, оттопырив нижнюю губу, затем зашел негру за спину.

— Ни шрама, ни клейма, — скривился он. — Да этого ниггера, небось, ни разу и не секли. Признавайся, черномазый, бил тебя твой хозяин?

— Нет, — буркнул тот.

— Что «нет»? — взъелся Джеймс.

— Нет, сэр.

— Вот видите? — вклинился Мерфи. — Этого ниггера даже не нужно бить, чтобы он работал.

— Таких ниггеров не бывает, — отрезал Джеймс. — А с ленивого раба хоть всю шкуру сдери, толку не будет. Даю за него полторы тысячи.

— Две восемьсот, — возразил работорговец.

— Тысяча шестьсот.

— Две семьсот. Только ради вас, сэр, себе в убыток.

— Тысяча восемьсот. Это мое последнее слово.

Коротышка окинул Джеймса пытливым взглядом и, видимо прикинув, что слово далеко не последнее, заявил:

— Коль так, мистер Фаулер, то поведуй-ка я этого ниггера в Саванну. Знаете, сколько плантаторов мечтает его заполучить? Зуб даю, на аукционе за него и все четыре выложат.

Он направился к козлам фургона. Пару секунд Джеймс провожал его растерянным взглядом, затем решил:

— Пойдите! Даю тысячу восемьсот и... — Он огляделся по сторонам. — ...Вон того сопляка в придачу.

Его палец указал на лужайку. Проследив за жестом, Элизабет увидела маленького Майка, с любопытством выглядывающего из-за куста.

— Эй, малец, поди-ка сюда! — Джеймс поманил ребенка, и тот с опаской направился к нему.

Нет! Он же не собирается отдать Майка работоторговцу! Этого нельзя допустить! Ноги сами понесли Элизабет с крыльца.

— Джеймс, послушай! — воскликнула она. — Ты ведь не всерьез?

Муж, работоторговец и охранники как по команде уставились на нее.

— Что? — Джеймс недоуменно поднял бровь.

— Ты же не собираешься отдавать Майка этому господину?

— Собираюсь. — Он повернулся к Мерфи. — Вы согласны?

— Ну... — Тот посмотрел на Элизабет, затем перевел взгляд на ребенка. — Похоже, ваша супруга против...

— Забирайте тогда и ее, — усмехнулся Джеймс. Он схватил Элизабет за локоть и подтолкнул к работоторговцу. — Сколько дадут за такую кобылку?

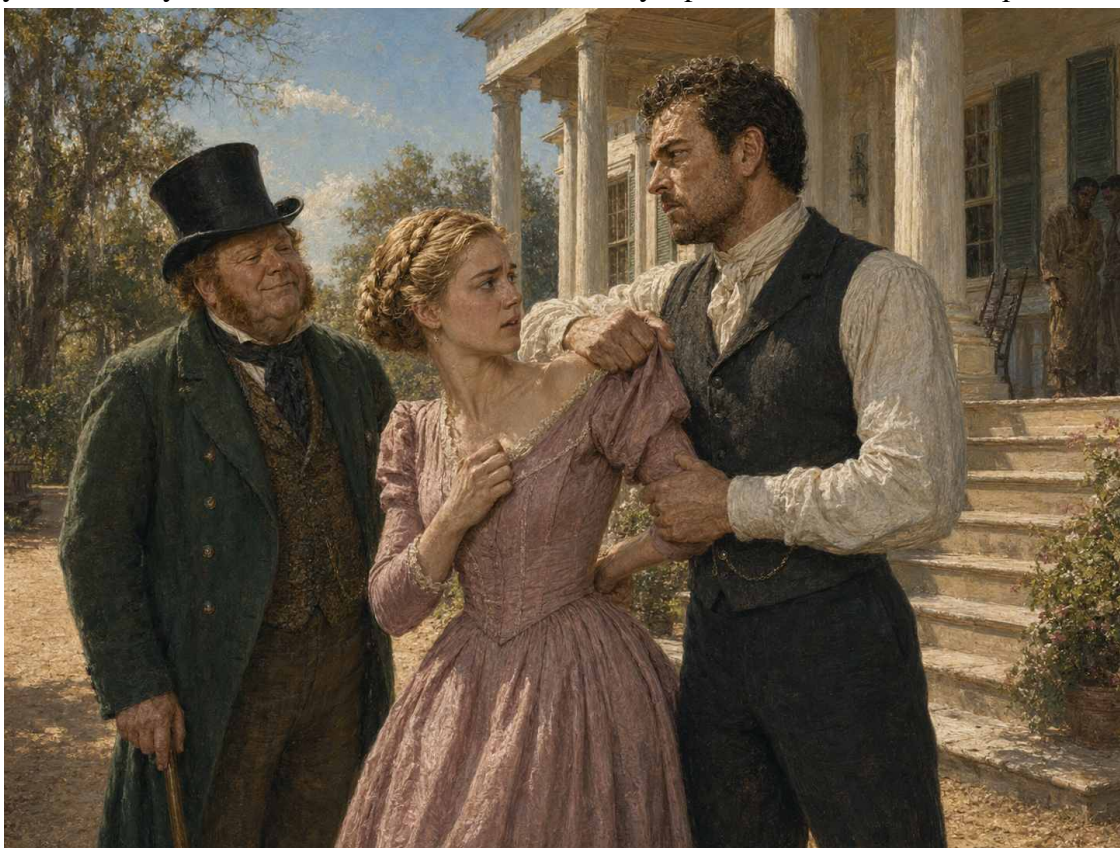
— Ты с ума сошел?! — прошипела она, выдернув руку из его хватки.

Коротышка фальшиво рассмеялся, делая вид, что шутка Джеймса пришлась ему по душе.

— За такую красавицу тысяч пять, не меньше. Вы счастливчик, мистер Фаулер, — льстиво произнес он.

— Это вы ее еще голой не видели. Хотите взглянуть?

С этими словами муж дернул Элизабет за вырез платья. Несильно, просто чтобы ее припугнуть, но она, уже не зная, чего от него ожидать, судорожно схватилась за лиф.

— Ты спятил... — пробормотала она, пытаясь разжать его пальцы. — Перестань!

— Это ты перестань совать свой нос в чужие дела! — Он выпустил платье и отпихнул ее от себя. — Я сам решаю, кому и когда продавать моих рабов.

Элизабет беспомощно оглянулась по сторонам. Миссис Фаулер по-прежнему стояла на крыльце, с явным интересом наблюдая за происходящим. За стеклянной дверью виднелись черные лица лакеев, а на балконе маячили Роза и Сара с метелками в руках. Похоже, челядь тоже не прочь поглазеть на бесплатное представление.

Охранники работоторговца пялились на Элизабет, не скрывая ухмылок, и только рабы в фургоне и возле него не решались поднять на нее взор.

Все, кроме одного.

Самсон смотрел на нее, не таясь. Их взгляды встретились, и она как будто уловила сочувствие в блестящих черных глазах...

Да нет, должно быть почудилось. Сочувствие от раба, которого самого осматривают как скотину перед продажей? К ней — жене господина? Что за чушь!

Хотя, по существу, она такая же собственность Джеймса, как и его рабы. Она не может покинуть его дом, не может распоряжаться своим имуществом. Ее тело должно удовлетворять его прихоти, а утроба — вынашивать его детей. Да у нее даже имени своего больше нет!

Горькие мысли вихрем пронеслись в голове и улетучились, вытесненные тревогой за Майка. Мальчик переминался с ноги на ногу и испуганно таращил глаза.

— Подойди-ка сюда, негритенок! — велел ему Мерфи, но тот остался стоять.

— Ты оглох? Живо выполняй приказ белого господина! — рявкнул Джеймс.

Майк на секунду поднял умоляющий взгляд на Элизабет, от чего у нее сжалось сердце, и подошел к работоторговцу. Тот принялся вертеть его, осматривая со всех сторон.

— Мулат? — поинтересовался он.

— Да, — кивнул Джеймс. — Еще чуть подрастет, и за него дадут хорошую цену.

— Я не выращиваю ниггеров на продажу, мистер Фаулер, — пробормотал коротышка, придиричливо разглядывая ребенка. — Впрочем, в Саванне есть одно заведение, где на таких щенков неплохой спрос. Велите ему раздеться!

— Какое еще заведение? — вклинилась Элизабет, не в силах больше молчать.

— Боюсь, это не для дамских ушей, — осклабился работоторговец.

— Элизабет! Иди в дом! — сердито приказал Джеймс.

Она набрала воздуха в грудь, чтобы возразить, но муж грубо схватил ее за локоть и поволок за собой.

— Ты — моя жена, и обязана мне подчиняться! — прорычал он, не ослабляя хватки.

— Не смей отдавать ребенка этому скользкому типу! — процедила она.

— Это не твое собачье дело, моя дорогая! — Он втолкнул ее в дом и потащил на второй этаж. — Все на этой плантации, включая и твою прелестную задницу, принадлежит мне. Я буду делать что захочу, и никто мне не указ.

Джеймс пинком распахнул дверь ее спальни и впихнул Элизабет внутрь.

— Посиди взаперти, подумай о своем вызывающем поведении, — бросил он. — Мне осточертело, что ты вечно защищаешь черномазых. Еще раз полезешь...

— И что ты сделаешь? — огрызнулась Элизабет. — Убьешь меня?

— Захочу — убью, — спокойно ответил Джеймс. — Места здесь глухие, никто тебя не найдет...

На его губах играла улыбка, но Элизабет догадалась, что он не шутит. Мороз пробежал по коже, ноги стали ватными, и она без сил опустилась в кресло.

Джеймс вышел и закрыл за собой дверь. Когда в замке провернулся ключ, Элизабет очередной раз ощутила себя в ловушке. Джеймс Фаулер имеет здесь безграничную власть. И негры, и она сама с потрохами принадлежат ему.

Она измученно откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. На грудь навалилась такая тяжесть, будто ее придавило могильной плитой. Бесполезно. Все бесполезно. Она ничего не сможет сделать для рабов.

«Джеймс скорее убьет меня, чем изменит свое отношение к ним, — подумала она. — Негры для него — рабочий скот. Он выжимает из них все соки, и его не терзают ни малейшие угрызения совести... если у такого человека вообще есть совесть... Как можно продать маленького ребенка этому алчному торгашу? Что это за заведение, о котором он говорил?..»

С полчаса она просидела в кресле, гоняя по кругу невеселые мысли, как вдруг за окном раздался пронзительный женский крик:

— Не-ет!

Господи! Что еще стряслось? Элизабет в смятении выбежала на балкон.

Фургон как раз выезжал на аллею. Скованные цепью рабы понуро следовали за ним. Со стороны полей наперерез этой унылой процессии неслась негритянка, размахивая руками и что-то нечленораздельно вопя.

Маленький Майк протянул ручки сквозь ржавую решетку и закричал:

— Мама!

— Сынок! — Негритянка издала истошный вопль и, подбежав к повозке, уцепилась за прутья.

— Тпру! — Работорговец осадил мулов и оглянулся на Джеймса. — Сэр, уберите свою скотину, пока ее не переехало колесом.

— Люси, черномазая идиотка! — рявкнул Джеймс. — Сейчас же вернись к работе, или я задам тебе трепку!

Негритянка обернулась, не выпуская решетку из рук.

— Масса Джеймс! Масса Джеймс! Умоляю! Не продавайте Майка! Пожалуйста, масса Джеймс! — с рыданиями и всхлипами заголосила она.

— Ты оглохла, мразь? — гаркнул подоспевший Билл Браун. — Хозяин велел тебе возвращаться в поле! Пошла прочь, или отведаешь моего кнута.

Он бросился к ней, на ходу разворачивая кнут. Несчастливая мать продолжала цепляться за тянущегося к ней сына. У Элизабет от жалости стиснуло грудь. Но она ничем не могла помочь, оставалось лишь смотреть на душераздирающую сцену, до боли сжимая кулаки.

Надзиратель подскочил к Люси и полоснул ее кнутом. Она вскрикнула, а Майк зарыдал. Браун продолжал хлестать рабыню, пока ее пальцы не разжались, и она не повалилась на дорогу, закрывая голову от сыпавшихся на нее ударов.

Мерфи стегнул мулов, и фургон с дребезжанием покатился прочь. Негритянка порывалась вскочить, но Браун сек ее каждый раз, когда она пыталась встать на ноги.

Лишь когда повозка скрылась из виду, он прекратил избивать Люси. Она тяжело поднялась. Ее платье из мешковины потемнело — то ли от пыли, то ли от крови. Пошатываясь, она побрела к Джеймсу. Тот, скрестив на груди руки, стоял у ступеней и с самым невозмутимым видом смотрел на нее.

Приблизившись к нему, негритянка вскинула голову.

— Будьте вы прокляты, масса Джеймс! — с ненавистью бросила она. — Вы же обещали!

— Что я тебе обещал, рабыня? — насмешливо спросил тот.

— Обещали, что никогда не продадите Майка. Он ведь ваш сын! Плоть от плоти... Как вы могли продать собственного сына?

— Заткнись, тварь!

Джеймс с размаху ударил ее по лицу. Негритянка упала и скорчилась на светлом гравии у его ног.

Элизабет остолбенела. Колени подогнулись, и она схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть. Корсет так сильно сдавливал грудь, что потемнело в глазах. Она на ощупь вернулась в спальню и рухнула на кровать.

Сердце колотилось как сумасшедшее, а в голове билась мысль: «Не может быть! Джеймс продал собственного сына? Не может этого быть!»

Возможно, негритянка солгала! Но зачем? Кожа Майка гораздо светлее, чем у нее. Выходит, его отец белый. Но кто? Управляющий? Заезжий проходимец? Или действительно Джеймс?

Если это правда, то он — настоящее чудовище, способное на любую мерзость. Подонок! Исчадие ада! И как рожать от такого детей?

Надо поговорить с этой Люси. Узнать, сказала ли она правду. Дождавшись, когда в голове немного прояснилось, Элизабет встала с кровати и вышла на балкон. Но ни на подъездной площадке, ни на аллее уже никого не было. Только борозды от колес и вмятина на светлом гравии там, где Браун избивал рабыню, напоминали о том, что все случилось наяву, а не при виде в дурном сне.

Глава 9

На следующее утро Джеймс ни свет ни заря появился к Элизабет в спальню.

— Вставай! — потребовал он, стягивая с нее простыню.

— Что случилось? — Элизабет испуганно уставилась на него.

— Сегодня воскресенье. Божий день. Грех залеживаться в постели до обеда.

«До обеда»? Элизабет выглянула в окно. На небе только разгорался рассвет. Ее охватила злость.

— Грех — это продавать своего сына работоторговцу! — вырвалось у нее прежде, чем она успела прикусить язык.

Джеймс замер, и его серые глаза превратились в ледяные колючки. Элизабет вдруг показала, что вырез ее сорочки слишком низко открывает грудь, и она судорожно стянула его рукой.

— Ты снова лезешь не в свое дело, дорогая? — нарочито спокойно произнес муж. — Да еще и осмеливаешься меня в чем-то упрекать?

— Скажи, это правда? — не сдавалась Элизабет. — Майк твой сын?

— Да. — Ни один мускул не дрогнул на холеном лице.

— И ты продал собственного сына?

— А что тут такого? Дети наследуют статус матери. Люси — моя рабыня, ее отродье — тоже, а я не делаю поблажек никому из моих рабов.

— Но это же твой ребенок! — вскричала Элизабет, в попытке достучаться до его совести.

— Ты вздумала читать мне мораль? — На лице Джеймса заиграла циничная усмешка. — Так вот, дорогая, знай, Майк — далеко не первый щенок, зачатый от моего семени, которого я продаю. За мулатов дают хорошую цену, так что заделывать сосунков черным девкам — выгодное занятие.

— Ты чудовище! — пробормотала Элизабет, чувствуя, как, несмотря на жару, по телу пробегает озноб.

Джеймс пожал плечами.

— Я всего лишь забочусь о процветании «Персиковой долины», — невозмутимо заявил он. — Чтобы дети, которых мне родишь ты, ни в чем не нуждались.

Элизабет исподлобья глядела на него, не зная, что на это сказать, а он глумливо продолжил:

— Не волнуйся, дорогая, твоих отпрысков я не продам. Даю тебе слово.

— Вот уж спасибо, утешил, — буркнула она.

— Жду тебя к завтраку. Не опаздывай.

Когда он вышел из спальни, Элизабет села на край кровати и закрыла руками лицо. Боже, какой цинизм! Плодить детей и продавать их как поросят. Какой позор!

Она тяжело поднялась и позвонила в колокольчик, вызывая служанку. Интересно, видела ли Анна, как Джеймс продал Майка работоторговцу? Скорей всего да: прислуга вчера подсматривала изо всех щелей.

И действительно, едва Элизабет уселась на пуфик, и черепаховый гребень коснулся ее волос, как Анна сокрушенно покачала головой.

— Жуть какая, мадам! — запричитала она. — У меня вчера чуть сердце не разорвалось. Ну как можно было отнять ребенка у матери?

Гадость совершил Джеймс, но стыдно стало Элизабет. Да, она старалась это предотвратить, но ничего не вышло. Может, недостаточно старалась?

— Ты права, это было ужасно, — вздохнула она.

— А вы слышали, что эта негритянка ляпнула вашему мужу? — не унималась Анна. — Будто бы мальчишка — его сын.

— Слыхала, — сухо ответила Элизабет.

Обсуждать это со служанкой совершенно не хотелось. Элизабет почему-то казалось, что все потешаются над ней из-за того, что она имела глупость выйти замуж за такого подлеца.

Желая поскорее сменить тему, она заметила как бы невзначай:

— Я только одного не пойму. Зачем Джеймсу понадобился этот новый негр?

— Так ясно, зачем, — отозвалась Анна. — Прислуга вчера весь день об этом судачила.

— Да ну? — Элизабет пытливо взглянула на ее отражение. — И что же они говорят?

— Этот негр, Самсон, вроде как хорошо разбирается в лошадях. А конюх вашего мужа как раз недавно сбежал. Помните того бедолагу, которого загрызли собаки?

Элизабет недоверчиво хмыкнула.

— Лишь поэтому? Неужели конюх такая редкость в этих краях? Мне кажется, должно быть что-то еще. Джеймс так отчаянно торговался.

— Знаете, мэм, — служанка понизила тон. — Думаю, тут дело еще в бывшем хозяине этого негра.

— Ага... — Элизабет наморщила лоб. — И что же с ним не так?

— Говорят, ваш муж терпеть его не мог. Обзывал его «негролюбом» и этим, как его... абули... цистом. Этот мистер Бэйли вроде как выступал против рабства и собирался освободить своих рабов. Поговаривают, что на этой почве они с мистером Фаулером и повздорили. Дело дошло до дуэли, и ваш супруг его застрелил.

— Да ты что! — ахнула Элизабет. — Джеймс застрелил человека?

— Так говорят, мэм. А самое забавное, этот Самсон был секундантом своего господина.

— Как это? Разве раб может быть секундантом?

— Выходит, что да. Как я поняла, Самсон и этот мистер Бэйли вместе росли. Говорят, они были не разлей вода и держались почти на равных.

— Думаешь, мой муж купил Самсона, чтобы на нем отыграться?

— Да кто его знает. — Анна пожала плечами. — Вы бы слышали, что Цезарь вчера выдал по этому поводу.

— И что же?

Анна прочистила горло и пробасила, подражая ворчливому голосу дворецкого:

— «Уж масса Джеймс-то собьет спесь с этого ниггера. А то больно этот черномазый о себе возомнил».

После завтрака Джеймс созвал всех на воскресную проповедь. Она проходила на лужайке за Большим Домом, неподалеку от хижин рабов. Элизабет и миссис Фаулер сидели в принесенных с террасы плетеных креслах. Вокруг собрались надзиратели и домашняя челядь, а полевые негры, сегодня освобожденные от работ, выстроились на траве.

Навскидку Элизабет насчитала около сотни рабов. Они были в грубой, застиранной одежде, но выглядели довольно опрятно — явно принарядились по случаю выходного дня. Мужчины надели соломенные шляпы, а женщины повязали на манер тюрбанов цветные платки.

Джеймс в белоснежной плюсовой сорочке, бежевых бриджах и светлом сюртуке расхаживал по лужайке с Евангелием в руках. Раскрыв книгу, он благоговейно снял шляпу, всем своим видом выказывая благочестие и кротость.

— Соберитесь вокруг меня, овечки мои! — словно заправский пастырь произнес он, вальяжно приближаясь к рабам.

Те сгрудились теснее, не поднимая голов.

Джеймс прочистил горло, пролистнул несколько страниц и начал торжественно вещать:

— Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение.

Он выдержал эффектную паузу и обвел глазами паству. Негры стояли понурившись и исподлобья зыркали на него. Никто не проронил ни слова, и Джеймс продолжил:

— Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им. Учись сему и увещевай, почитать господ своих достойными всякой чести.

Он заливался соловьем, призывая рабов к послушанию, и скоро Элизабет совсем утратила нить в его запутанных речах. Святая Библия, кнут, надсмотрщики, кандалы — все средства хороши, чтобы заставить несчастных людей с утра до ночи горбатиться на господ. Одурманить, облапошить, запугать — лишь бы ни проблеска мысли о справедливости и свободе не промелькнуло в их курчавых головах.

Скользя взором по толпе, Элизабет заметила в ней Самсона. Он был единственным из всех рабов, кто посмел не опустить головы. Когда их взгляды встретились, он отвел глаза не сразу, а лишь через пару секунд. Элизабет ощутила, как к щекам приливает кровь, и усиленно замахала на себя веером.

«Уж масса Джеймс-то собьет спесь с этого ниггера», — пришло ей на ум.

Она украдкой посмотрела на мужа. Тот продолжал нараспев зачитывать строки из евангелия:

— Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо.

«Почему Бог такой кровожадный? Разве он не должен быть против несправедливости и страданий? — мелькнула крамольная мысль, но Элизабет тут же отогнала ее привычным: — Неисповедимы пути Господни».

— Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? — увещевал Джеймс. — Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его.

Все слушали его в почтительном молчании, но неожиданно в толпе рабов раздался всхлип. Джеймс осекся, и все усталились на нарушительницу спокойствия. Ею оказалась Люси — рабыня, у которой вчера отобрали ребенка. Ее щеки блестели от слез, а грудь сотрясалась от рыданий.

— В чем дело? — недовольно закудаhtала свекровь. — Мистер Браун, утихомирьте эту негритянку!

— Будет сделано, мэм, — ухмыльнулся тот.

Он направился к плачущей Люси, вынимая из-за пояса кнут.

Окружавшие ее негры отшатнулись, оставив ее одну. Лишь Самсон не двинулся с места. Он стоял рядом и хмуро смотрел на приближающегося Брауна.

— Закрой пасть, черномазая тварь! — рявкнул управляющий и щелкнул кнутом в воздухе прямо у нее перед лицом.

Люси завывала еще громче, а Браун принялся неспешно раскручивать кнут над головой. Элизабет заметила, что Самсон весь подобрался, как хищник перед прыжком...

— Мистер Браун! — выпалила она. — Прекратите!

Надзиратель замер, посмотрел на нее, затем перевел взгляд на хозяина.

— Джеймс! — Элизабет повернулась к супругу. — Прошу тебя, давай хотя бы в воскресенье не будем устраивать балаган!

На лице мужа заиграла издевательская ухмылка.

— Ну что ж, раз ты просишь... — Он махнул рукой управляющему. — Оставь ее Билл. Побереги силы. Они тебе сегодня еще понадобятся.

— Ты у меня еще попляшешь, черномазая! — Надзиратель замахнулся на Люси, но не ударил ее, а принялся сворачивать кнут. — Что уставился, образина? — ощерился он на Самсона, который не спускал с него глаз.

— А чего ты хотел, Билл? — глумливо произнес Джеймс. — Ты же знаешь, кто был его прежним хозяином. У них на плантации с ниггерами цацкались, как с белыми господами.

Он вразвалочку подошел к Самсону и встал напротив него, заложив пальцы за лацканы сюртука. Негр был чуть выше Джеймса, и тому пришлось слегка задрать подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Гляди-ка, разоделся, как белый, — сострил Джеймс, разглядывая одежду Самсона — светлую рубашу, кремовый жилет и бежевые штаны из добротного сукна. — Не желаете ли сигару, «сэр»?

Самсон молчал, мрачно глядя на господина. Люси перестала всхлипывать и только шмыгала носом, а остальные негры, потупившись, стояли вокруг.

— Что ж, ниггер, ты должен кое-что уяснить, — снова заговорил Джеймс. — Здесь, в «Персиковой долине» установлены свои правила, которым все обязаны подчиняться. Правила очень просты — они записаны в Святой Библии. Усердно трудиться, почитать своих господ и не пытаться сбежать. Очень просто, не так ли?

Самсон нехотя кивнул.

— Да, сэр.

Джеймс повернулся к остальным рабам и продолжил:

— Однако среди вас есть паршивые овцы, которые идут против Слова Божьего. Таким овцам нужно преподать урок. И пускай это будет поучением для всех вас. — Он кивнул Биллу Брауну. — Приведи Квимбо.

— Слушаюсь, сэр, — ответил тот.

Он кликнул Чака и Томаса — своих белых подручных, и они направились к раскинувшемуся посреди лужайки вековому дубу.

После поимки Квимбо Элизабет ни разу не слышала, чтобы кто-то о нем упоминал, и почему-то решила, что инцидент исчерпан. Но сейчас ледяная тревога зашевелилась в груди. Что за очередную гадость задумал муженек?

Надзиратели подошли к дубу. Приподнявшись в кресле, Элизабет заметила в траве под деревом прямоугольный люк.

Чак с кряхтением выдвинул огромный засов, затем вместе с Томасом взялся за рукоятки, и они стали поднимать ржавую крышку. Тем временем к ним подошел один из негров с ведром воды.

Когда крышку откинули, Элизабет встала с кресла и заглянула в люк. Там, в тесном пространстве размером с гроб скрючился обнаженный негр. Она в ужасе зажала ладонью рот.

Неужели Квимбо целую неделю провел в этом железном ящике? Днем — палящий зной, ночью — стылый холод... Страшно подумать, какие страдания пережил этот человек! Господи, а она-то, дура, поверила, что Джеймс простил ему побег.

Внутри плеснули ведро воды, и над лужайкой разнесся отчаянный вопль. Надзиратели склонились над ящиком и вытащили оттуда орущего Квимбо, мокрая кожа которого ослепительно блестела на солнце. Он и впрямь был в чем мать родила, и Элизабет отвела глаза.

— В чем дело, дорогая? — от мужа не укрылось ее смущение. — Вид животного в первоизданном облике оскорбляет твой девственный взор?

— Джеймс, ты же обещал пощадить его. — Она до хруста сжала в руках сложенный веер.

— Я сказал, что не убью его. Но он должен быть наказан за свой проступок.

— Он и так достаточно наказан. Неделя в этом гробу... Это какое-то безумие!

Она снова взглянула на Квимбо. Худой, изможденный, он не мог даже стоять на ногах. Надзиратели тащили его под руки, и его ноги беспомощно волочились по траве.

— Ошибаешься, дорогая, — сказал Джеймс. — Ниггеры способны вынести куда больше, чем ты представляешь. Эти скоты — искусные притворщики, они просто пытаются давить на жалость.

— Тебя бы посадить в этот ящик! Посмотрела бы я, как бы ты давил на жалость! — возмутилась Элизабет.

Свекровь негодуя вскинула голову, а Джеймс оглушительно расхохотался.

— Боже, на ком я женился! — воскликнул он. — Что за злобная маленькая мегера! Я, право, начинаю тебя бояться. Похоже, мне следует засунуть в этот ящик тебя.

— Давно пора, — поддакнула миссис Фаулер, обмахиваясь веером так рьяно, что черные ленты ее чепца реяли как флаги на пиратском корабле.

Тем временем Квимбо подтащили к столбу, вкопанному посреди утоптанной площадки, и сунули его руки в кандалы, свисающие с верхушки на цепях.

— Что ты собираешься с ним делать? — дрогнувшим голосом спросила Элизабет.

— То, что каждый добрый хозяин обязан делать с этими неблагодарными существами, — ответил Джеймс. — Учить их уму-разуму.

Он повернулся к неграм.

— Рабство — это божественный порядок, установленный для вашего же блага, — с пафосом произнес он. — Вам не выжить в свободном мире, потому что ваш народ туп и ленив, и вы не сможете конкурировать с разумной белой расой. Квимбо нарушил этот порядок и будет сурово наказан. И я надеюсь, вы все усвоите этот урок.

Квимбо, прикованный к столбу, едва стоял на ногах. По его жилистому темно-коричневому телу то и дело пробегала судорога.

— Для начала, — продолжил Джеймс, — паршивую овцу нужно клеймить, дабы каждый знал, что перед ним — неблагодарная тварь, посмевавшая сбежать от своего господина.

Элизабет застыла от ужаса. Возле столба горела жаровня, а рядом с ней топтался Билл Браун, и только сейчас она заметила, что он держит железный прут, одним концом погрузив его в пламя.

— Ну что там? — нетерпеливо окликнул Джеймс.

— Все готово. — Надзиратель ухмыльнулся и поднял прут. На его конце светилось оранжевым раскаленное клеймо.

— Джеймс, ты же не собираешься в самом деле... — пролепетала Элизабет, чувствуя, как между лопаток стекает холодный пот.

Он подошел к ней с мерзкой ухмылочкой на лице.

— Разумеется, собираюсь, моя дорогая. Я выжгу на его обезьяньей морде букву Б — «беглец». Вот здесь.

Он протянул руку и пальцем начертил у Элизабет на щеке воображаемую букву.

Она отшатнулась. Муж хмыкнул и повернулся к Биллу Брауну.

— Ну что ты там возишься? Давай скорее!

— Да, мистер Фаулер.

С раскаленным прутом в руках управляющий приблизился к рабу. Тот в ужасе покосился на пылающее клеймо и чуть слышно пробормотал:

— Не надо, масса Джеймс! Прошу вас!

— Раньше надо было думать, — безразлично бросил тот.

— Пожалуйста, пощади его! — взмолилась Элизабет. — Он больше не будет сбегать!

— Угомонись! — отмахнулся муж. — Пусть радуется, что я не приказал отрубить ему ногу.

Томас схватил Квимбо за волосы и заставил поднять голову. Билл Браун ткнул его в щеку клеймом. Шкворчание горячей плоти утонуло в пронзительном вое раба. Пошел дым, запахло жареным мясом. Элизабет зажмурилась. К горлу подкатила тошнота, и она затаила дыхание, с трудом сдерживая рвоту.

Через несколько бесконечно долгих секунд вопль затих. Осмелившись открыть глаза, Элизабет увидела, что Браун отнял клеймо от щеки. На блестящем от слез лице Квимбо дымилась багровая «Б» с обугленными краями.

— Теперь порка бичом, — сообщил Джеймс. — Пятьдесят ударов.

По толпе прокатился изумленный вздох.

— Мистер Фаулер, может, лучше плетью, а не бичом? — осторожно спросил Билл Браун.

— Пятьдесят ударов бичом — это верная смерть.

— Сдохнет так сдохнет, туда ему и дорога, — равнодушно бросил Джеймс.

— Нет, пожалуйста! — Элизабет вцепилась мужу в ладонь.

Он с раздражением выдернул руку и повернулся к рабам.

— Тот, кто отведет взгляд, займет его место, — отчеканил он, и негры нехотя подняли глаза.

Элизабет посмотрела на Самсона. Его широкие ноздри раздувались от гнева, кулаки были крепко сжаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.